

Таша Ульянова

Плоды школы Верт

Таша Ульянова

Плоды школы Верт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70220434

SelfPub; 2024

Аннотация

Школа для молодых дворян – Верт готовится к зимнему балу. Один из талантливейших учеников – юный граф Берберис надеется, что в этот раз добьётся благосклонности прекрасной герцогини Боровинки. Граф пойдёт на всё ради удовлетворения своей страсти. Он игнорирует предостережения друзей, и не придаёт значения присутствию в школе опасных драконопоклонников, пока не узнаёт, что Дракон способен сотворить любое чудо. Вот только плата за чудо очень велика...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	44
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	61
Глава 14	66
Глава 15	71
Глава 16	78
Глава 17	83
Глава 18	88
Глава 19	97
Глава 20	101
Эпилог	107

Таша Ульянова

Плоды школы Верт

Глава 1

Ночью выпал снег. Словно огромный снежный великан рухнул плашмя с небес и был пронзён насквозь острыми шпильями Верта. Теперь его холодное тело покрыло всю территорию школы и видимую часть окружающего леса.

Выглянув в окно, Бёрберис обнаружил под подоконником снег, а ведь его комната располагалась высоко над землёй! Малоэтажные корпуса увязли чуть ли не под самые крыши, лишь административное здание горделиво торчало над белоснежным покровом; стёкла воинственно поблёскивали в небеса: «вам не одолеть!». В ответ высь молчала. Она видела непролазный бор у своего подножия, затем воздвижение Верта, однажды увидит и руины школы.

Долго созерцать безмолвный спор двух глыб: небесной и созданной человеком, у Бербериса не было возможности – ноги начали стыть. Он аккуратно вернул штору на место. Было неловко, однако напоследок Берберис убедился, что золотистая бахрома лежит ровно и должна производить соответствующее впечатление со двора.

Недавно Берберису исполнилось семнадцать лет, он имел

статную фигуру, бледное лицо, титул графа и карие глаза в которых, казалось, сконцентрирована вся печаль обедневших дворянских семей. Чем сильнее нужда была его по карману и самолюбию, тем крепче держалась его осанка. В итоге, Берберис практически никогда не опускал плеч, что производило впечатление на окружающих.

Изысканная штора – первое и последнее дорогостоящее приобретение за три года, которые он провёл в стенах Верта, на всём остальном приходилось экономить. Статус графского сына подразумевал отдельные апартаменты, и отец предоставил Берберису данную привилегию. Неважно, что «апартаменты» вмещали в себя лишь кровать и письменный стол, окно продувалось, а в грубые необработанные стены Берберис вбил гвозди для вешания одежды – отцу полагалось быть благодарным за щедрость.

Поддерживать видимость достатка, помимо шторы, юному графу приходилось также надменным выражением лица, что сильно сужало его круг общения. Он мог бы продемонстрировать возможным товарищам трухлявый стул и старинный герб Преклетов, в основании которого по земле елозил изрубленный дракон – и только.

По коридорам пронёсся первый звонок, оповещающий учеников о назначенном часе для завтрака. С третьим звонком полагалось явиться в класс. Электричество было лишь недавно проведено в Верт, чуть позже подведения железнодорожной ветки. Школа гордилась тем, что идёт в ногу со

временем и к предстоящему празднику закупила сотню ламп накаливания. В окружающих посёлках до сих пор жгли лучины. Непроглядный ночной мрак – одна из пропастей, разделяющая простолюдинов и дворян, однако обсуждать подобное за завтраком не полагалось: темы должны быть лёгкими, как и подаваемые на стол блюда.

Будущие властители земель и мира познавали риторику в естественном окружении, получали краткую порцию математики и физики в классах, углублённый курс физической активности – в тренажёрном зале и освещение истории с литературой в качестве дополнения к ужину.

Чуть ли не с первых дней переезда Берберис понял, что, к сожалению, школа существует не столько для обучения, сколько для формирования взаимоотношений. Дворяне с юности должны обрастать связями в обществе. Помимо потомков благородных династий в застенки Верта также принимали детей разбогатевших торговцев, которые лелеяли надежду на будущие союзы. Но как, позвольте, заключать союзы с раздувшимися от достатка и важности, пусть и благородных кровей, идиотами? У одиночки – Бербериса не было на то ответа.

Глава 2

– Объединённое дворянство возникло на закате прошлого века, когда волна крестьянских мятежей прокатилась по миру, – рассказывал учитель истории, чинно прохаживаясь по классу. – Угроза монархии обнулила взаимные претензии Венценосцев. Святая Церковь встала на защиту королевских династий. Зачинщиков мятежей казнили, а дворянские ветви были сохранены. С той поры царит мир – наглядное подтверждение для простолюдинов ценности иерархического строя.

Урок улетал в никуда, поскольку учеников интересовало что угодно, но только не история прошлого века. Очередной звонок прервал потуги учителя перекричать толпу; учебники были сметены с парт в мановение ока, но тут произошло смятение, и единая сила притянула молодых дворян обратно к скамьям – в класс вошёл директор в сопровождении священника и начальника стражи.

В наступившей тишине святой отец окрестил присутствующих, прежде чем заговорить:

– Чудовище поселилось под нашим боком! Драконопоклонники вновь проводят свои мерзкие ритуалы в ночи! Начинаясь с простых подношений, они перерастают в человеческие жертвы!

Почитатели Дракона и иных лжебогов являлись пережит-

ками средневековья. Святая Церковь давно просветила людей об истинной сущности кровожадных идолов. Однако по сей день находились идиоты, верующие в могущество демонических существ. Ритуалы проводились в строжайшей тайне, поскольку Церковь не проявляла снисхождения к еретикам, тем загадочней Берберису представлялось их существование в современном мире.

Священник вскоре выдохся и умолк, тот час вперёд вышел начальник стражи. После пылкой проповеди его слова отдавали холодным металлом: за последний год в окружающем школу лесу обнаружено три алтаря Дракона. Если кто-то из учеников владеет информацией, то его обязанность как правоверного христианина – сообщить страже. Рассматриваются также анонимные послания.

Берберис слушал в пол уха. Ему не был интересен ни Бог, ни Дракон, хотя о первом, как и о втором следовало помалкивать. Потомку Преклетов на роду написано изводить демонов во славу Церкви. В своё время прадед Бербериса калёным железом вырубал целые поселения драконопоклонников, о чём любезно свидетельствовал родовой герб.

Перемена подходила к концу, а начальник стражи продолжал бесстрастный монолог о наказании за сокрытие полезной информации. Юные дворяне начали с беспокойством елозить по скамьям. Не дав молодым людям времени решиться на побег, директор лихо перехватил инициативу, напомнив, что тревожные известия не помешают проведению

ежегодного Зимнего бала.

Бал! Сердце Бербериса отреагировало троекратным ритмом на каждую букву в слове. На него словно потолок обрушился, и огорошили, не иначе, деревянные перекрытия. Доселе связные мысли рассыпались по телу, вынуждая каждую жилу трепетать. Бал!

Директор говорил о современных тенденциях совместного пребывания в школе юных леди и господ, и о возможности в будущем совместного обучения. Вместо слов у Бербериса в ушах стояла канонада из пульса.

Глава 3

На следующий урок граф пробирался не замечая толщины снежного покрова. Из тонкого высокого юноши Берберис обратился в упрямого тяжеловоза. Сегодня вечером на балу решается судьба – он знал это наверняка, пока врезавшийся в спину снежок не возвратил реальность к его ступням.

Можно было исключить оскорбление или провокацию, поскольку метнувшая рука принадлежала виконту Шипеку – затейнику, к которому Берберис испытывал самые тёплые чувства. Виконт слегка смахивал на цыгана, был немногим выше графа по росту, имел непропорционально длинные руки и большие ладони, умел лихо свистеть и выводить из себя соперника на учебных поединках остротой языка сильнее, чем уколами рапиры, но, в целом, имел достойную репутацию и пользовался уважением у сверстников.

Вокруг Шипека собралась изрядная компания, удар снежком оказался приглашением к беседе и, судя по накалу щёк, темой разговора был вовсе не лёгкий мороз.

– Господа! – приземистый круглолицый баронет вскинул руку, перехватывая всеобщее внимание. – Сегодня прелестницы из соседнего корпуса почтут нас своим визитом. Празднование продлится три ночи кряду. Долг каждого дворянина – не упасть лицом в грязь!

– Слышал, что этой зимой в моде бальные платья с углуб-

лѐнным лифом, – мечтательно произнёс его сосед. – Мода беспощадна и к девичьему здоровью, и к нашим сердцам!

Баронет подтолкнул соседа в бок:

– В зале и без того будет жарко. Накал страсти можно потушить методом погружения горсти снега за горизонты лифа...

Послышались одобрителные возгласы. Идея пришлась дворянам по вкусу.

Шипек несколько раз хлопнул в ладоши. Раскатистое эхо от мощных хлопков, казалось, собьёт снежный наст с административного здания. Все испуганно умолкли и в недоумении посмотрели на виконта.

– Предложение превосходит мои самые смелые идеи, – признал Шипек. – Однако мы подзабыли, что глубина выреза не обозначает титул хозяйки.

Несомненно, звучал голос разума, необходимый для разгорячённых юношеских умов.

– Потревоженные прелести высокородной леди взвоют об отмщении, – продолжал рассуждать Шипек, – и храбрец будет призван к ответу. В любом случае, я собрал вас с *иной важной целью*, – сказанное имело вес, и присутствующие насторожились. – Как всем известно, поклонники Дракона нашли способ проточить ход в тело нашего общества. От стражника я узнал, что алтари вокруг школы были собраны на скорую руку, а в качестве подношений использовались высушенные фрукты, чем демон явно не насытится. Невин-

ные жертвы – вот излюбленная пища Дракона!

Шипек умолк, стало зябко.

Баронет прочистил горло:

– Вы считаете, что новый начальник стражи допустит покушение на учениц Верта?

– Предыдущий так и не нашёл еретиков, – заметил Шипек. – О сохранности жизни юных дев стоит беспокоиться. В толпе легко затеряться, незаметно подать бокал со снотворным, в конце концов, опоить девушку и сманить под любым предлогом! За шумом праздника никто и грома не услышит, не говоря про мольбу о помощи!

Призыв Шипека к дворянскому долгу сработал, собрание забурило: «Недопустимо!», «Мы обязаны что-то предпринять!».

– В этом году дни бала совпадают с полнолунием. Зверь обязательно высунет морду из логова. Тут-то мы его и прищучим!

Заверение виконта добавило страстям пыла.

– Идти с пустыми руками на демона... – сомневался баронет.

– Как я уже говорил: Дракон питается урюком, а его последователи – трусы, наспех лепящие алтари из золы и глины. Рапиры можно позаимствовать в тренажёрном зале...

– ...Там же есть сигнальные рожки!

– Два кратких гудка в случае опасности!

Насколько рьяно общество обсуждало план действий, на-

столько же Берберис упорно молчал.

Шипек деликатно подхватил его под руку и отвёл на пару шагов.

– Боюсь, что не смогу составить вам компанию, – смущённо пробормотал Берберис.

Ни один мускул на лице Шипека не обозначил эти слова трусостью.

– Нам будет вас очень не хватать, граф.

Глава 4

Освободившись от навязываемых обязательств, мысли Бербериса вновь вернулись к теме вечера, пока ноги несли сквозь снег на урок по математике. Обычно преподаватели сами приходили к ученикам в классы, но для профессора Узвара сделали исключение.

По слухам профессору перевалило за сотню лет. Искушенный кожей и телом, он имел слезящиеся глаза, пигментированные руки, а его пальцы, казалось, состоят из одних фаланг. Узвар был трогателен в своей старости, при этом служил образцом воли, поскольку находил силы вставать поутру, отыскивать у кровати тапочки и предаваться работе.

Однажды Узвар так и явился на занятие – в тапочках, о чём ученики деликатно умолчали. Сегодняшний урок визитом почтило всего пять персон. Чаше источника знаний, учебник по математике служил атрибутом соревнования по остроте рапиры. Учебник Бербериса был цел, а изложенные на страницах формулы обретали смысл по мере пояснения Узвара.

В конце урока профессор сам подошёл к нему:

– Ваша Светлость делает успехи в науке.

Неожиданная похвала зацепила Берберису душу.

– Уверяю, что Ваша Светлость сполна оценит полученные знания, когда сможет контролировать махинации управляю-

щего помещьем.

– Возможно управляющего не будет! – выпалил Берберис и тут же болезненно сжал горло. Откровение слишком долго жило в нём и, надо же, вырвалось перед безобидным профессором!

– Вот как? – Узвар удивился. – Да простит меня Ваша Светлость, я человек старый, а время летит вперёд. Дворяне будут сами заведовать делами...

– Не в этом дело, – долго хранимая на сердце истина упорно лезла через сжатое горло. – Жена моего отца беременна. Снова. Прежде она исторгла на свет трёх дочерей, если следующий ребёнок окажется мальчиком, то титул графа перейдёт к нему, поскольку я... – горловой спазм достиг критической отметки, – незаконнорождённый...

Узвар удручённо покачал головой:

– Простите, Ваша Светлость, я забыл, что ваша матушка не успела обвенчаться до родов.

Семнадцать лет назад дочь приходского священника испустила дух, испустив из себя Бербериса. Граф признал ребёнка своим и взял на воспитание. Годы шли, Берберис рос, а его отец надумал жениться. Новоиспечённая графиня через год разродилась девочкой и в течение пяти лет настрогала ещё двух представительниц Проклетов. Берберис предполагал, что будет ненавидеть сестёр, однако вышло иначе и сёстрам было дозволено не только приставать к нему с распросами, но также использовать в качестве пони.

Привязанность к малышам служила своего рода подписью под договором взаимной терпимости между Берберисом и графиней. Но близился срок четвёртых родов, а бал начнётся уже сегодня.

– Позволит ли Ваша Светлость сказать кое-что не связанное с математикой и вообще с наукой? – на поверхности слезоточащих глаз профессора всплыл терпеливый вопрос.

Берберис кивнул.

– Вы молоды и сильны телом, также я имел честь отметить ваш ум. С подобным набором добродетелей Вашей Светлости нечего опасаться за будущее. Вам суждена долгая яркая жизнь! Цените каждый день как величайшую драгоценность. Уж кому-кому, а старику лучше всех это известно.

Уж для кого, а для старика всё давно позади! Он пережил свои страсти и невзгоды, а давать наставления о лёгкости бытия беспокойной молодости, стоя одной ногой в могиле, попросту глупо.

Берберис сухо поблагодарил профессора. Раздражение защипало изнутри – начало дня чересчур насыщено событиями для спокойной подготовки к вечеру, всё лишнее так и норовит подлезть под ноги, а праздничный камзол по-прежнему нуждается в пришивании пары пуговиц, не говоря про ожидающие чистки туфли. Вещи уже не новы, что сильно печалило Бербериса. Он надеялся на осанку и ледяной взгляд, как на ширму от внимания окружающих.

Глава 5

Зимой темнеет рано, но Верт был готов – лампы накаливания вспыхнули ярче факелов по воле одного рычага. Дорога от корпусов юных леди до административного здания была очищена, молодые господа сами кое-как перебрались через сугробы. Румяные, они приветствовали барышень низкими поклонами на протяжении почти всего пути. Такие же румяные барышни отвечали снисходительными смешками.

Первая бальная ночь проводилась в актовом зале и была посвящена дарам земли: горы фруктов возвышались на столах, с люстр свисали перевязанные лентами пучки мяты, а ароматные саше вручались каждому вошедшему в качестве приятного бонуса к вечеру. Юные дворяне дивились замечательному убранству и обсуждали блеск драгоценных камней при искусственном освещении.

Камерный оркестр закончил тихую приветственную мелодию и заиграл увереннее – время для танцев ещё не наступило, однако толпу следовало подогреть. Под переливы скрипок между учащимися стало происходить занятное движение рук – передавались записки. Преподаватели и стража, уловив шорох бумаги, тут же реагировали на звук – Верт гордился репутацией целомудренного заведения. Но в изысканных клочках всё было невинно: предлагались танцы, либо выказывалось восхищение внешним видом.

Берберис стоял у стены, стораая от стыда за ношенный камзол. Его туфли сверкали свежим лаком, однако давнишние изломы кожи оставались заметны. Из-за повышенной возбудимости обычно бледные щёки графа сегодня отливали пунцовым. Он боялся, что сляжет с нервной лихорадкой до назначенного срока и позволил себе выпить пару бокалов разбавленного вина. Знакомые шепнули ему за каким из столов виночерпий раздаёт самый экстракт напитка, но пробираться к тому месту означало покинуть удобную наблюдательную позицию у входа.

Еле заметной тенью тонкая фигура промелькнула по-над стеной и с удивительной силой сунула графу в руку клочок бумаги. Берберис даже головы не успел повернуть, а загадочный почтальон уже исчез. В записке говорилось: «Надеюсь на танец», и подпись: «Ч».

Берберис поспешно сунул бумажку в карман и вернулся к караулу. Бал набирал обороты. Первые подносы с фруктами опустели, первые пары потянулись к середине зала. Кавалеры подхватывали дам в танце. Подолы струились как разноцветные ручейки, заколки в волосах вспыхивали драгоценным блеском. Зал хрустел от обилия света, оркестр зашёлся в вальсе.

Дверь в очередной раз распахнулась, пропуская внутрь группу барышень. Пёстрыми рыбками они кружили вокруг центральной фигуры их маленького общества – стройной девушки в тёмно-синем платье со светлыми, почти белыми во-

лосами. Увидев само воплощение земной красоты, Берберис на мгновение ослеп, а когда зрение вернулось, горестный стон сорвался с его губ – возле девушки уже стояли его конкуренты!

Берберис был подавлен и взбешён одновременно. Он ринулся к новоприбывшей, не задумываясь о посторонних боках и отдавленных носках туфель.

– Герцогиня Боровинка! – воскликнул Берберис и лишь через секунду вспомнил поклониться.

Окружение герцогини хмуρο уставилось на наглеца, так смело ворвавшегося в их общество.

– Помните ли вы меня? На прошлом празднике вы обещали мне первый танец, – граф решил прыгнуть с разбега в пропасть, что являлось не самой отчаянной идеей, которая могла посетить пылкого юношу.

Черничный взгляд герцогини исследовал лицо и одежду Бербериса (он выдержал этот взгляд), лёгкий поворот головы продемонстрировал вплетённые в причёску нити сапфиров. Герцогиня понятия не имела о чём речь.

– Осенний праздник у фонтана, – Берберис почувствовал, что теряет контроль и над ситуацией, и над голосом.

– Ах да, фонтан... – герцогиня смотрела куда-то вбок. – Это было так давно...

Два месяца – очень долгий срок, особенно когда считаешь дни по минутам.

– Но я уже обещала другому.

– Тогда я могу рассчитывать на второй танец? – не терял надежды Берберис.

С задумчивым видом герцогиня подняла тонкие запястья к личику и сосредоточенно отсчитала шесть пальчиков:

– Ваша очередь следом.

Не так уж и плохо, но Берберис был подавлен. Стайка девиц с готовностью оттеснила Боровинку от назойливого ухажёра. Юный граф остался посреди веселящейся толпы, и ему казалось, что все потешаются над ним.

Глава 6

Кто-то из слуг додумался приоткрыть окна, чтобы впустить в зал свежий воздух. Среди танцующих пар негде было яблоку упасть. Некоторые саше раскрошились и, смешавшись с пролитым питьём, тянулись за каблуками. Стража уводила прочь понурого лакея, видимо того самого – разливающего концентрированные напитки. Берберис изо всех сил тянул шею, благо рост позволял глядеть поверх голов: герцогиня Боровинка подавала руку третьему по счёту кавалеру.

– Вот вы где! – не сразу понять, что голос принадлежит человеку, а не является перезвоном колокольчиков. Пухленькая барышня адресовала приветливую улыбку ввысь к лицу графа. Под рыжей чёлкой блестели внимательные тёмные глаза, словно сочные перезревшие вишни. – Вы так и не отозвались на моё приглашение.

Берберис вежливо поклонился Черёше – дочери торговца тканями и тут же отвернулся, чтобы не упустить из виду предмет своего желания.

Но Череша не желала сдавать позиции:

– Как насчёт танца?

– Сожалею, но иные молодые люди заслуживают вашего внимание гораздо больше.

Последовал перезвон колокольчиков:

– Я говорю про один танец, а вы словно о пожизненном союзе рассуждаете! Граф, на балу танцуют, стоять истуканами положено статуям в школьном парке.

Чтобы прервать поток доводов пришлось уступить. Берберис повёл партнёршу вглубь зала – поближе к герцогине Боровинке. Герцогиня как раз меняла кавалера.

Грянул торжественный аккорд. Ноги несли Бербериса в одну сторону, а взгляд устремлялся строго на сверкающее синее пятно по соседству.

– Мы с кем-нибудь столкнёмся, – простонала Череша. – Ей богу, джентльмен не должен заставлять леди вести!

– Вы сами настаивали на танце...

Девичьи пальцы тут же выскочили из его ладони. Партнёрша покинула танец на середине и ушла, ловко маневрируя меж движущихся пар. Берберис остался стоять тем самым истуканом на всеобщем обозрении. Даже герцогиня заметила нечто, выбивающееся из общей картины праздника. Пришлось спешно возвращаться к стене, сетуя на девичью глупость и подлость.

От дочери торговца графу ровным счётом ничего не требовалось, все его мечты и желания концентрировались в облаке светлых волос и синем взгляде герцогини Боровинки. Как представительница древнего рода, герцогиня являлась родней королевской семье, а её красота с юных лет воспевалась поэтами и художниками королевства.

Любить Боровинку означало бороться и страдать, пылать

сердцем, рваться из кожи к звезде, холодный свет которой обязательно потеплеет для упрямого храбреца. Со сладким томлением по ночам Берберис часто представлял благосклонную улыбку на нежных губах герцогини, как ответ на пылкость своих чувств, и даже в мечтах забирался дальше – описывал самому себе поцелуй, но тут томление становилось нестерпимым и приходилось обрывать сладкую фантазию.

День за днём он лелеял надежду пламенем сердца и слов растопить морозный алмаз герцогини, пока сам всё ещё является графом. Если графиня родит мальчика, то даже крошечная крупица надежды будет потеряна.

Берберис взял себя в руки и выждал положенное время до своей очереди со сцепленными зубами и пальцами. Когда пробил долгожданный час, к герцогине приблизился румяный, но величественный граф.

Их руки встретились в союзе. По телу Бербериса будто молния прошла. В животе набухал жар, под ладонями раскалялись сверкающие шелка платья герцогини.

– Вы сегодня как никогда великолепны, – признался Берберис.

Лёгкий кивок был ему ответом – Боровинка привыкла получать комплименты.

– В поиске подобной красоты я бы, не задумываясь, обогнул весь свет.

– Вот как? – герцогиня в раздумье склонила голову. – Вы очень прямолинейны, граф. То есть, говорите чересчур пря-

мо. Меня это отвлекает. Давайте танцевать молча.

Она охотно болтала с прежними партнёрами – Берберис сам видел, и прервала это занятие только сейчас. Нужно было исправлять ситуацию, однако все связные мысли полностью выветрились от волнения, осталось то самое жгучее томление, передать которое на словах запретила дама сердца.

Музыка закончилась раньше, чем предполагал Берберис, а его намерение так и осталось нереализованным. Личико Боровинки сложилось вопросительной миной – пора бы раскланяться.

– С первой встречи вы вскружили мне голову, герцогиня, – прошептал Берберис. – Я всецело принадлежу вам и взамен на ещё один танец готов предложить свою жизнь...

– Но у меня тоже кружится голова, – Боровинка мягко отстранилась. – Рада была поговорить. Всего хорошего.

Берберис опомнился лишь у стола с вином. Он не знал, какой бокал по счёту пьёт, однако даже этого количества оказалось явно недостаточно, чтобы забыться.

– Вижу и второй танец провалился, – поигрывая веером, Череша показала из-за спины. – Вашей Светлости пора подучиться такту.

– Сейчас же перестань!

– Конечно, Ваша Светлость может указывать простолюдинке. Как дочь торговца, я не могу ждать от Светлости иного обращения, чем на «ты». Однако смею заметить, что за-

служиваю толику внимания, поскольку объект вашего желания – герцогиня сегодня облачена в ткань, которую поставляет мой отец, следовательно, я косвенно причастна к вашему помешательству.

– Прекрати!

– Как будет угодно, – Череша низко поклонилась и ушла.

Эта сцена не ускользнула от внимания окружающих. Берберис словно воочию увидел, как пересуды движутся по залу волной. Когда отголосок скандала достиг уха Боровинки, он в смятении выбежал вон.

Глава 7

Морозный воздух звенел, а звёзды кололи чёрное небо иголочками. Печать луны сдерживала зарю до назначенного часа.

Берберис брёл по школьной территории, не замечая ничего вокруг. Просто предался ходьбе, как единственному душевному движению, на которое ещё был способен. Украшенная лампами улица осталась далеко позади. В корпусах и парке царил мрак, лишь кое-где на стенах вспыхивали огни факелов – стражники совершали обход.

Справа раскинулись дома для слуг, слева – сараи и загоны для скота. Хуже, если окоченевшего графа найдут в снегу по соседству с курами. Берберис невольно задумался о подходящем месте для смерти, как его меланхолию нарушило постороннее присутствие: из-за угла показался профессор Узвар, укутанный в плащ по самую макушку. Покрутившись по-над стеной, профессор осторожно побрёл к дальним строениям.

Наверняка старик выпил пару лишних бокалов в честь праздника и теперь не может отыскать дороги домой – Берберис слышал, что с пожилыми людьми подобное случается. По сути, ему своих забот хватало, но совесть проклюнулась сквозь скорлупу эгоизма и усугубила душевные страдания. Вздохнув, граф побрёл за Узваром.

«На улице холодно, я проведу вас к теплу», – обращение

звучало глупо, поскольку сам Берберис разгуливал по морозу в камзоле. Он подумал про это, а ещё осознал насколько ооченели его пальцы, когда отворял покосившуюся дверь заброшенного сарая.

Профессор как раз зажигал свечу на низеньком столе. Услышав шаги, он вдруг метнулся в угол, обронив свет на грязный пол.

– Не пугайтесь, – Берберис наклонился за свечой. – Вы заблудились?

Далеко не зимний холод вдруг сковал его члены: со столика на Бербериса глазело уродливое воплощение некоего зверя, страшного не только по своей природе, но и по неумению ваятеля. Тёмная скульптура была вылеплена из золы и глины, и изображала пучеглазую пакость на четырёх ногах.

Профессор выдвинулся из угла семенящими шажками, чтобы на расстоянии вытянутой руки вовсе упасть на колени:

– Не погубите, Ваша Светлость! В моих подношениях нет ни капли крови! – перед уродцем лежала рябина.

Берберис покрепче ухватился за свечу. Он нашёл в себе силы выпрямиться и переместить взгляд с глиняной твари на профессора:

– Так вот каков из себя драконопоклонник.

Узвар горестно покивал головой: стар и немощен.

– А где остальные?

– Я один, – поклялся профессор. – Знания ритуалов мне передала мать, я же ни с кем не делился.

– Вы были добры ко мне, – Берберис никак не мог отпустить свечу. – Покиньте школу с первым лучом рассвета.

Узвар смахнул слезу:

– Я принимаю условия. Только мне горько остаться в вашей памяти кровожадным еретиком. Знайте, граф: за всю жизнь я и мыши не обидел, мои подношения – лишь ягоды и фрукты взамен на продление жизни.

Звучало как вымысел или бред больного, но достаточно было внимательно взглянуть на профессора, вопреки всему держащегося за жизнь, чтобы крупца сомнения упала в душу.

– Я сильно рискую, но полнолуние – период, когда грань между мирами истончается и древнему богу легче проникнуть к нам. Святая Церковь лишь из страха и зависти нарекла Дракона «демоном», ведь ОН грозный конкурент. Дракон творит чудеса лучше любого Святого, причём не в древних писаниях, а здесь и сейчас. Но требует подношений. В моём случае, чудо – вымученное. Дракон пресыщен бескровной едой, оттого моя жизнь размазана по старости и больше тянется, чем течёт.

Ещё не план и не идея, а лишь неясный задаток мысли стал образовываться в голове Бербериса. Чёткое желание не успело сформироваться, как решительность разразила тишину одной фразой:

– Я хочу говорить с ним!

– Говорить с Драконом? – Узвар не на шутку испугался. –

Зачем вам это?

– Или я приведу охрану! – Берберис затряс над профессором свечой, словно клинком.

Орошённый воском, тот сжался вдвое.

– Я покажу Вашей Светлости Дракона. Он придёт на мой зов. Только прошу: будьте осторожны и... учтивы.

Старик умолк. Укутанный в плащ, он стал напоминать лежащий на полу тугой тёмный кокон. Потянулись минуты, свеча утратила не меньше сантиметра от первоначальной длины, а профессор не подавал признаков жизни. Берберис склонился и осторожно коснулся Узвара. Странно, но пальцы будто касались не живого человека, а безжизненного полена.

Берберис приблизил свечу к лицу профессора, из-под капюшона вырвался дымный хрип, чуть не погасивший пламя. Неожиданно кокон разверзся сгустком тьмы. Сначала показались когтистые пальцы – по четыре фаланги на каждом, затем из профессора вырвались длинные лапы. Дракон выбирался из своего миньона, словно настырная крыса сквозь крохотную щель в стене. Он оказался чернее любой тени и выше любого мужчины. Его тело было длинным как у змеи и заканчивалось непропорционально мощным хвостом с шипом на конце. На гладкой вытянутой морде, состоящей из одной пасти, виднелись ярко-жёлтые крапинки – глаза. Чтобы не пробить макушкой потолок, Дракону пришлось опуститься на четвереньки. Его хвост будто жил своей отдель-

ной жизнью и ловко протянулся шлагбаумом вдоль выхода, преграждая Берберису путь.

– Ты желал видеть меня, дитя? – пасть лишь слегка приоткрылась, но слова звучали чётко; голос пробирал до костей – так на поверхность болота выползают с утробным гулом пузыри воздуха.

Колени Бербериса дали слабинку, он покачнулся, но устоял.

– Я – Берберис, сын графа Преклета...

– Ты – пища, дитя, – хвост Дракона слегка подтолкнул графа в спину ближе к клыкам.

Берберис изо всех сил упёрся ногами:

– На мой крик сбежится охрана Верта.

– К тому времени я вернусь в свой мир. Схватят старого профессора. Таковой будет твоя благодарность за его доброту?

– Но я могу и не кричать, – Берберис сглотнул ком в горле. – Узвар говорит, что ты умеешь творить чудеса. А можешь ли ты воспламенить страсть в сердце?

Дракон оскалился: улыбкой ли это было или проявлением презрения – не разобрать. Да и способен ли монстр чувствовать как человек, или его мотивы также глубинны, как и породившие его времена?

– Моя кровь горячее лавы. Одной капли достаточно, чтобы воспламенить алчную страсть в холодном сердце!

Доселе нечёткий план в голове Бербериса приобрёл бес-

пощадную завершённость:

– Сколько ты хочешь за свою кровь, демон? – граф лихо-радочно прикидывал сумму, которую сможет выручить продажей вещей и занятием в долг.

Чёрный хвост обернулся вокруг Бербериса, сковав дыхание, Дракон приблизился к его лицу: один выдох – и свеча потухла, остались только белые клыки да жёлтые угольки глаз.

– Ты прекрасно знаешь, *чего* я хочу, дитя.

Глава 8

Поутру Верт поднялся поздно. После проповеди, за завтраком только и было, что разговоров про бал. Живо обсуждали наряды, не обошли стороной и тему лифов. Многие обратили внимание на состояние графа Преклета, то есть граф и прежде не отличался общительностью, а нынче вовсе погрузился в глубины отрешённости.

Позже всех в столовую ввалился виконт Шипек. Его продвижение меж столов не превышало скорости черепахи по той причине, что каждая компания желала заполучить кусочек внимания виконта и угостить блюдом наравне с новостями. Подсаживаясь то к одному, то к другому столику, Шипек вскоре насытился и животом, и душой. Его путь оборвался подле Бербериса – виконт без приглашения уселся на скамью. Косматый и сонный, сейчас он больше смахивал на разбойника, чем на дворянина.

С удовольствием зевнув, виконт хлопнул графа по спине:

– На вас лица нет! Неужели вчерашние танцы были настолько изнурительны?

Берберис отвернулся.

– Будет вам, граф! Развеселитесь рассказом о том, как мы ночь напролёт торчали в лесу, замёрзли и озверели с голода! Если бы Дракон появился, то был бы зажарен и съеден! Положение спасла только предприимчивость баронета – он

додумался захватить на караул пару бутылок креплёного.

– Значит, вы никого не нашли?

– Увы! Наверняка драконопоклонники перенесли свои ритуалы подальше от школьных стен. Поделом.

Вряд ли учебные рапиры нанесут древнему богу значимые раны. Хорошо, что виконт так и не встретил врага. Рёбра до сих пор ныли после соприкосновения с мощным хвостом, а зловоние драконьего дыхания всю ночь стояло в носу.

Берберис полез в брюки за саше, вместе с которым его карман покинула записка. Виконт поймал бумажку на лету и неосознанно прочёл послание от Черешки.

– Сегодня второй день празднования, – он состроил безразличный вид. – Юные леди сбиваются с ног, приводя себя в порядок. Ходят слухи о любовных признаниях, победах и поражениях.

– Это не ваше дело! – хотел Берберис или нет, но слова сорвались резко. За соседними столиками наступила тишина – словно невидимая рука прикрыла беседующим рты.

Ничуть не оскорбившись, Шипек лишь фыркнул:

– Если бы вы, граф, уделяли общению чуточку больше времени, то давно убедились, сколько учащихся расправляют бахрому на своих шторах. Многие семьи тянутся из последних сил, лишь бы предоставить отпрыску возможность получить образование в Верте. Очень многие считают монархию причиной тотальной бедности не только крестьян, но и дворянства. Жируют исключительно высшие церков-

ные чины и приближённые к королевской семье. Идеи эти насколько опасны, настолько и справедливы в глазах нашего поколения. Молодые дворяне называют иерархический строй «пережитком прошлого», как и привилегию титулованности. Под высочайшим званием может скрываться подлец, а под заросшим лицом ремесленника – сама добродетель... – Шипек провёл рукой по лицу, он вдруг осознал, что креплёное все ещё течёт по его венам.

– Я просто хотел сказать, граф, что преследуя мираж, легко упустить близкое счастье. Некая дочь продавца тканями вчера произвела настоящий фурор. Не слышали? Она отвергла с десятков приглашений от завидных кавалеров, ради возможности потанцевать с неким малоизвестным субъектом. Не секрет, что в приданое дочери торговец вложил немалую сумму, однако, как по мне, её вишнёвые губы и янтарные локоны стоят дороже любого сокровища.

– Что, простите? – Берберис растерянно поднял взгляд.

– Отдохните, дружище, – Шипек по-товарищески коснулся его руки. – Вы похожи на больного. Пропустите карточные игры для своего же блага.

Виконта окликнули откуда-то из глубины столовой – там уже заждались его внимания. Козырнув, он отправился на приглашение, и пространство вокруг Бербериса зазвенело от одиночества.

Столовая пустела. Слуги потянулись убирать со столов. Они и хотели бы сказать, что понурый одинокий посетитель

усложняет им работу, но вынуждены были молчать и обходить графа стороной, будто его не существует.

Наконец, Берберис поднялся и пошёл к себе в комнату, где долго лежал, уткнувшись взглядом в потолок.

Второй день Зимнего празднования посвящён карточным играм. Ставки предлагались делать минимальные, однако сумма не обговаривалась и зачастую в дело шли расписки. Умение играть в карты было обязательным для дворянина наравне с владением рапирой. Выигрывать полагалось с тем же изяществом, что и плести венок, а проигрыш приравнивать к покупке перчаток. Хотя сложно сохранить выражение достоинства, расписываясь в трёхзначном долге.

Ещё вчера Берберис предполагал своё присутствие на играх и даже готов был провести пару партий по мизеру. Сегодня же наставление виконта боролось с желанием вновь увидеть герцогиню Боровинку. Было в этом что-то уничтожительное, некая душевная заноза, на которую следовало непрестанно давить, дабы усугубить страдания; при этом не угасала надежда пробиться через боль и посредством настырности к намеченной вершине.

И без виконта Берберис знал, что болен, но упрямо не желал выздоравливать. Что ему Череша со своим приданым? Стоит свистнуть и она прибежит, словно счастливая собачонка на зов хозяина. Герцогиню же полагалось завоевать. Только в борьбе рождалась любовь, только с победами вспыхивала страсть.

Граф решительно потянулся за камзолом – сегодня он посетит торжество в том же наряде. Странно, но это мало его заботило. Стряхнув возможные пылинки с ткани, пережившей натиск Дракона, Берберис взглянул на себя в карманное зеркальце. С противоположной стороны на него смотрел бледный юноша, карие глаза сверкали лихорадочным блеском.

Ещё один шанс судьба предоставляет этим вечером. Он не должен опускать рук, пока всё ещё является графом.

Глава 9

Игры начинались с закатом и могли растянуться до утра, хотя чаще деньги заканчивались прежде полночи. Представители школы следили за порядком в зале и формально предупреждали про обдуманность ставок, но снимали с себя всякие обязательства стоило одному из учащихся попасть в долговую яму.

Карточный долг священен, и расплачиваться полагалось семье потерпевшего. Был простой способ избежать долговой кабалы – попросту не ходить на игры, но в таком случае страдал престиж рода. Некоторые прибегали к способу, притворяясь больными. Обычно лазарет пополнялся кашляющими и жалующимися на внезапную слабость учениками именно накануне карточных игр, но если за год удавалось сэкономить пару монет, то существовала возможность стать повелителем вечера.

Многим хотелось испытать свою удачу. В актовом зале уже горел свет. Берберис брёл по очищенной дороге меж сугробов, как корабль меж бурных валов; следовал за отпечатками подошв, словно за маяком. Некоторые из осветительных ламп перегорели вчерашней ночью, их место заняли привычные масляные фонарики. Воздух скрипел на зубах, с каждым выдохом освобождая тело от частички тепла.

Неожиданно между Берберисом и главным входом пропа-

стью пролегла густая тень.

– Не соизволит ли Ваша Светлость уделить мне немного времени? – новоиспечённый глава стражников – Храст ступил по своей тени, как по проторённой дорожке. Храст занимал пост не дольше месяца, но уже успел сыскать славу матёрого ищейки. При внушительных габаритах он обладал бесшумным шагом и неприятным сочетанием вкрадчивого голоса с цепким взглядом.

Под надзором зелёных глаз Берберис ощутил себя в неловком положении, будто случайно уткнулся носом в шершавую кору. Руки непроизвольно потянулись к переносице, чтобы потереть несуществующий ушиб. Начальник стражи с улыбкой следил за потугами молодого графа.

– Я тороплюсь! – в раздражении выпалил Берберис и решительно направился мимо досадного препятствия, но гибкая тень стража вытянулась остриём в его сторону.

– Это не займёт много времени.

Впереди, из-за чуть приоткрытой двери доносились разговоры и смех, голоса взрывались восторженным хором или тянули единую разочарованную ноту. За дверями было празднично и тепло – условия, в которых Берберис намеревался ковать свою судьбу, словно кузнец – фамильный меч.

– Извольте, – за снисходительным кивком он скрыл нарастающее раздражение и побрёл за Храстом огибать здание.

Стоило отойти на двадцать метров от центрального входа, как торжественная обстановка вечера сменилась зимней

тоской. У чёрного хода горел одинокий фонарь, при ветре он наверняка раскачивался и невыносимо скрипел. Дорожки были не расчищены, а протоптаны усилиями служивых школы. Закулисье Верта обернулось для Бербериса тёмным сырым коридором, в конце которого располагалась крошечная натопленная каморка – кабинет начальника стражи. У кабинета дежурил седоусый вояка, остальные стражи несли усиленный караул по случаю праздников.

В качестве сидения Берберису был предложен грубо обработанный табурет, а в руку сунута глиняная кружка с дешёвым чаем.

– Вашей Светлости удобно? – начальник стражи снял шляпу и куртку, обнажив лысину и не учебный клинок.

– Вполне, – Берберис непринуждённо отхлебнул из кружки, чем в первое мгновение обескуражил оппонента, но смятение в зелёных глазах того быстро сменилось ехидным прищуром: выдержка молодого дворянина показалась возрастному стражу забавной.

– Разве я не говорил, что тороплюсь? – глиняное доньшко решительно опустилось на деревянный стол. – Не могли бы вы перейти к делу?

– Конечно же, Вашей Светлости не терпится облегчить пару кошельков, – Храст заговорщицки подмигнул графу. – Прелестная идея: организовать праздник для учащихся, невзирая на присутствие под боком опасных еретиков. В конце концов, без праздников молодые господа предадутся

скуке, греховной по сути своей, и начнут выдумывать сами себе занятия.

Тут Берберис оплошал: по неопытности он понятия не имел, как реагировать на оскорбление, обёрнутое в изысканную форму, поэтому решил промолчать. Но даже в этом, скорее всего, ошибся, поскольку ответом на его молчание служила снисходительная улыбка.

Начальник стражи обратился к потолку, словно подсчитывая:

– Осталось две ночи, затем луна начнёт убывать, и почти на месяц злоумышленники затаятся. Чёрт его знает отчего, но их божок предпочитает появляться в полнолуние! О причинах лучше спросить у священников.

– Так речь пойдёт о злоумышленниках?

– А! Вы сами сказали! – Храст откинулся на стуле, избрав стену в качестве опоры.

Что-то тяжёлое легло Берберису на сердце: за непринуждённой позой Храста открывалась удобная точка обзора его – графа, словно мелкой букашки.

Начальник стражи запустил руки в выдвижной ящик и извлёк две папки: тонкую и весомую.

– Сможет ли Ваша Светлость догадаться, какое из досье принадлежит злоумышленнику?

И без того было очевидно, что Храст полностью владеет ситуацией. Горделивый взгляд и осанка не спасут. Поняв это, Берберис вдруг почувствовал, что закипает – это взбунтова-

лась дворянская кровь Преклетов.

– Играйте в свои игры с кем-нибудь другим! Если у вас нет...

– Ваша Светлость намеревался играть весь вечер, – Храст открыл папки, обнажив имя Бербериса на тонкой, и Шипека на объёмной. – В основном досье учащихся содержат лишь документы, переданные при поступлении в школу, но бывает, что ученик не желает следовать правилам и выдумывает занятия, не совместимые со школьным распорядком, – ноготь Храста отбивал такт по папке виконта. – Тогда его досье набирает массу. Тут всё фиксируется, под внимание стражи берётся малейшее нарушение вольнодумца, худшим деянием которого для существующего порядка является распространение своих идей.

– Правильно ли я понял, что вы имеете наглость сравнить виконта со злоумышленником?

– Вчера из тренажёрного зала были похищены рапиры и рожки, – начальник стражи до того резко повернул тон диалога, что вырвал из пальцев Бербериса ухваченную им на мгновение инициативу. – Поутру под стеной обнаружены следы. Предположительно, десять вооружённых учеников перебрались ночью через стену и разбрелись вокруг школы. Дуэль можно исключить – молодые люди явно искали приключений в виде встречи с опасным врагом. Они запомнили, что кража и побег – тяжкие нарушения, не говоря про низость самих поступков.

– При чём здесь я или виконт?

– О! Виконт обладает кипучей энергией и подвешенным языком – качества, которые сделали его лидером многих начинаний. Также, он является завсегдатаем этой комнаты и чаще кается, чем упирается. Вчера его с десятью товарищами не видели на балу. А несколькими часами ранее вас заметили в обществе виконта. Досье свидетельствует, что вы читаете правила, герб Преклетов является подтверждением благородства рода. Кто-нибудь другой, но только не вы, измарается во лжи. Что стояло на повестке вчерашнего собрания молодых дворян с виконтом во главе?

Берберис почувствовал, как приступ хохота заскрёб его изнутри по горлу. Сдерживаться он не стал:

– Темой была мода на женские платья! Всё это время вы усердно вели допрос, будто упрямый кабан раскапывает землю в поисках жёлудя, а в итоге нарыли червяка! И разве можно этому удивляться после ваших же слов о бессилии стражи в поимке еретиков и некомпетентной охране территории?

Углы губ Храста неожиданно дёрнулись – всего лишь еле заметный тик, но Берберису вдруг стало не до смеха: начальник стражи попросту выматывал его, вытягивая вместе с эмоциями душевные силы.

В свою очередь, по лицу графа Храст догадался, что выдал себя и тут уже улыбнулся по-настоящему:

– Я, конечно, не хвастаю, но исследовать человеческие души – моё любимое хобби. Не считите за грубость: бандитов

и высокородных дворян объединяют одни и те же страсти – все жаждут большего, хотя в вашем случае всё и так подавно на серебряной ложке. В глазах Вашей Светлости это ясно читается – надлом. Уж не знаю, как озвучить благородным языком, но по-простому – это изъедающая человека одержимость, ради удовлетворения которой он пойдёт на всё. Будьте осторожны Ваша Светлость.

– Вы угрожаете мне?

– О чём вы?! Всего лишь предупреждаю внимательно смотреть под ноги, когда будете возвращаться к игре. Местами дорога очень скользкая.

Храст поднялся и места в комнате вдруг совсем не осталось. Он одолжил графу свою куртку, чтобы тот «не простудился» и провёл до порога.

Глава 10

В актовом зале первым делом граф сбросил куртку на руки не самого расторопного из слуг и внимательно осмотрелся. Второй день праздника ослеплял. Он бил сразу по всем чувствам, вплоть до осязания вибраций воздуха от горестных или радостных вздохов. О вчерашних танцах ничего не напоминало: повсюду были расставлены игральные столы, укрытые зелёным сукном; по-над стенами, прикрытые белыми скатертями, стояли столики с едой и питьём; каждую свободную щель занимали вазы с пахучими травами; народу было столько, что лишь тонкий слуга мог свободно маневрировать, не опасаясь случайно зацепить благородный бок.

Может быть, причина крылась в лихорадочном состоянии Бербериса, либо прошедший разговор с Храстом сместил его кругозор на некий градус, открывая новую область наблюдения, только сквозь слой лоска юный граф заметил, что больше лакомств на столах выставлены всевозможные украшения из папье-маше – несъедобные по своей сути, вино в бутылках не просто разбавлено, а является обычной водой, процеженной через виноградный жмых; те же ленты, которые вчера связывали пучки Melissa, сегодня украшали подолы скатертей, кое-где засохшие листья так и остались висеть, а сама Melissa ныне торчала из каждой вазы. Выходило, что слуги целый день занимались переливанием остатков

бала в обстановку игрального вечера, что подтверждалось их измученным видом.

Что до господ... Берберис сделал открытие, что многие дворяне, подобно ему, явились в той же одежде. Проходя мимо столов, он подмечал застиранные пятна на перчатках, заштопанные рукава и наспех пришитые кружева, скрывающие потёртости ткани.

Блистательное общество, в большинстве своём, оказалось мишурой поверх старья. И да – виконт говорил о чём-то подобном, только тогда Берберис не желал верить, как и сейчас не принимал своего равенства с окружающим «заштопанным» дворянством. Он желал быть выше ширм и прикрас, для чего полагалось не просто тянуть подбородок, но и тянуться вслед за мечтой.

Как и вчера, герцогиня Боровинка была окружена приближёнными друзьями. Её новое платье сверкало чистотой, а в волосах переливались новые драгоценности, на лице застыло прежнее безмятежное выражение, и тут Берберис осознал, отчего сходит по герцогине с ума – она была *настоящей*. Это прослеживалась в каждом повороте головы, в каждом нежном завитке девичьего уха. И Берберис качнулся было навстречу своему идеалу, но вовремя опомнился – не время с его жалкими грошами подходить к герцогине.

Граф начал с дальних столов и мизерных ставок. Он рассчитывал игра за игрой приближаться к цели, но первый же расклад чуть не погубил его. Берберис проглотил стон и с то-

го момента поклялся нащупать в воздухе абстрактную удачу и ухватить её за грудки, как нечто вполне материальное. Каждый игрок превратился в истинного противника, каждая партия стала сражением. Граф подмечал напряжение скул, как мощный выпад в тренировочной дуэли, краткий взмах ресницами, как ловкий финт рапирой; ставил больше, выкладывал на стол сущие копейки.

Кошелёк графа тяжелел, а за спиной уплотнялась толпа любопытствующих, притянутых его азартом.

– Карты на стол!

Оглушительное «О!» сопровождало каждую победу графа и вскоре стало частью естественных звуков в зале.

– Освежитесь, – виконт Шипек протянул графу бокал. На его манжете виднелся кривой стежок – явно не работа швеи. Неужели виконт сам штопает вещи?

Берберис залпом опустошил бокал, чем повеселил виконта:

– Будьте осторожны!

– Вы повторяете Храста, с которым мне выпала возможность говорить пару часов назад.

Шипек сразу же нахмурился:

– Хитрая бестия напал на след? Знаете ли вы, что начальник стражи раньше работал сыщиком в столице и достиг в своём ремесле немалых высот? Он лыс и грузен телом, но только попадите к нему на зуб и будете перемолоты!

– Не переживайте, виконт, – Берберис сгрёб очередной

выигрыш – кошелёк больше раздулся от важности, – вам ничего не грозит.

– С чего вы, чёрт возьми, решили, что речь идёт обо мне?!

Но Берберис уже не слушал, он, в прямом смысле, шёл к своей цели.

За столом герцогини царила тишина. Боровинка хмуро рассматривала карты, пальчики с изысканным маникюром нервно терзали мочку – она устала проигрывать.

Граф подошёл как раз в тот момент, когда герцогиня выложила очередной неудачный расклад.

– Позвольте? – вопрос был из области риторических, поскольку любой дворянин имел право подсесть за игральный стол хоть к самому королю.

– Извольте, – герцогиня откинула карты. – Только что освободилось место.

– Уходите... Вы чего-то боитесь, герцогиня?

Боровинка вздрогнула и впервые за время знакомства пристально посмотрела в глаза графу.

Берберис подсел с улыбкой, небрежно поигрывая толстым кошельком. В наступившей вслед за его словами тишине, позвякивание монет являлось обратным отсчётом до решения Боровинки:

– Откуда эта странная мысль? Я ничего не боюсь! – она вернула телу положение преданного игре человека.

Берберис тут же высыпал на середину стола треть содержимого своего кошелька.

– Ставлю против вашего нежного взгляда!

Собравшееся вокруг общество засуетилось, одобрения звучали наравне с возмущениями. Противоборствующие стороны никак не могли прийти к соглашению, в итоге, к ответу был призван распорядитель.

Лишённый сна со вчерашнего дня, старый распорядитель долго хлопал глазами, ещё дольше рылся в памяти и, наконец, выдал:

– Известны случаи: сто лет назад на кон было поставлено ожерелье против поцелуя болотной жабы, двадцатью годами позже ставками баронов были жена одного и породистый конь другого...

Общество зашумело на распорядителя – после болотной жабы и так всё было понятно.

Берберис еле сдерживался, чтобы не выдать внутреннюю дрожь. Вчера он допустил ошибку, засыпав Боровинку комплиментами. Герцогиня потребляла восхищения дозированными порциями изо дня в день и выработала к ним привыкание. Брошенный вызов – другое дело.

Еле заметный кивок головы подтвердил как согласие Боровинки, так и предположение графа.

Весь зал единой минутой сконцентрировался вокруг одного стола. Ближайшим зрителям пришлось взять на себя роль плотины, сдерживающей напор любопытства.

Для подобного случая была вскрыта новая колода. Карты засвистели над столом. Берберис мельком взглянул на свой

расклад: три валета. Судя по подёргиванию губ герцогини ей тоже выпала сильная карта.

Чтобы проиграть наверняка, Берберис обменял одного из валетов. Ему пришла бесполезная шестёрка пик.

– Вскрывают карты!

На руках Боровинки лежали две восьмёрки и десятки. И этот расклад обрадовал Боровинку? Хорошо, что Берберис вовремя скинул лишнего валета.

– Победа герцогини!

Зал разразился благочестивым «Ах!» и редкими аплодисментами. С торопливой алчностью Боровинка сгребала к себе ставку, словно жадный ребёнок горстку конфет.

Берберис отсыпал половину оставшихся денег:

– Ставлю против вашей нежной улыбки!

Новая волна пересудов прокатилась по залу эхом и улеглась с согласием Боровинки.

На этот раз Берберису пришла слабая карта, однако и герцогиня терзалась. Предыдущие соперники гораздо осторожнее проявляли эмоции.

Прикинув варианты, граф сдал единственную карту, которая могла бы стать частью более-менее удачной комбинации.

– Победа герцогини!

Это было неожиданно, но Боровинка даже взвизгнула, подтягивая выигрыш к себе. Аплодисменты посыпались дробью. Послышалось требование открыть окно, но слуги тоже были увлечены игрой.

Граф вытряхнул свой кошелёк до последней монетки:
– Ставлю против вашего нежного поцелуя!

Тут что-то случилось даже не с воздухом, а с самим пространством – некий раскол. В спину графу будто полетели розы и мечи; чья-то тёплая рука опустилась на плечо, знакомый голос прошептал:

– Дружище, одумайтесь!

Резкий поворот туловищем – и чужое участие покинуло графа.

– Так странно, – голос герцогини остановил раскол пространства. – Я, пожалуй, согласна.

Карты заметались в колоде. Берберис оценил свой расклад – самый плохой за этим столом. А Боровинка явно довольна: губы тянутся в улыбке, серебряные искорки прыгают в глазах. Берберис отдал семёрку треф и получил червовую девятку. Теперь он мог продемонстрировать слабый «стрит».

Боровинка с победоносным видом выкладывала свои карты по очереди: шестёрка бубен, десятка червей, дама и туз бубен, после чего потянулась за горстью монет.

– Позвольте, герцогиня! Но победил граф...

Слова застопорили движение рук и ресниц Боровинки. Герцогиня нахмурилась на говорившего:

– Что за ерунда?! Мои карты все одинакового красного цвета, – она наверняка имела в виду масть.

– Тем не менее, в них нет никакой последовательности. Победа графа.

Челюсть герцогини сползала всё ниже по мере принятия реальности. Она кинулась искать взглядом поддержки у окружающих, но на лице каждого явственно читалось: «священный карточный долг».

Волнение графа выдавал лишь румянец его щёк: он старался внешне принять победу с тем же равнодушием, с каким вставляют цветок в петлицу. Щёки же герцогини не просто покраснели – они стали пунцовыми. Впервые её кожу видели в цвете отличимом от белого.

Берберис невольно подметил, что благодарить за это всё время следовало слой пудры, как герцогиня подскочила и завизжала:

– Вы жульничали?! Скажите, что жульничали! Ах, у меня кружится голова... Мне нужно уйти.

Сердобольные руки подхватили герцогиню и повели через зал к выходу. Ошарашенный граф, вскакивая вслед за Боровинкой, случайно опрокинул стул. Он вновь единой секундой упустил инициативу.

Глава 11

Знакомая тёплая ладонь покрыла его плечо.

– Что за хитрец! Так долго скрывать от меня умение наживать врагов!

Шипек подтолкнул Бербериса в дальний угол к накрытым столам. Несколько друзей виконта заняли круговую оборонительную позицию, грозным видом отбивая желание у присутствующих подойти и подкрепиться именно из этих блюд.

Виконт взял яблоко, ловко пожонглировал им, прежде чем откусить. Возможно, он считал, что кульбиты добавят фрукту сладости.

– Тот же сорт, – сделал неожиданный вывод виконт, – вы приносили в лазарет. Помните? Грипп в позапрошлом году унёс жизни нескольких учеников. Достаточно было случайно чихнуть, чтобы окружающие шарахнулись в стороны. А вы передавали больным гостинцы и записки. Ещё тогда я поразился человеку, не страшасемуся смертельной болезни, но опасасемуся, что кто-то заметит потёртость на его туфлях.

Да, Берберис выполнял поручения одноклассников, озабоченным состоянием своих заболевших приятелей, однако не предполагал, что его поступок может быть воспринят кем-то как проявление бесстрашия.

Какая теперь разница? Герцогиня прилюдно обвинила графа в жульничестве. Она была сильно расстроена – не со-

всем те чувства, которые Берберис намеревался пробудить в девичьем сердце: азарт борьбы и пламя страсти.

Нежный шорох платья вторгся в его раздумья. Череша бесстрашно миновала кордон, состоящий из друзей виконта и любопытства окружающих, ради возможности поговорить с Берберисом.

– Вы сегодня прелестны, госпожа, – Шипек совершил навстречу девушке поклон, изящество которого можно было ставить на пьедестал галантности, после чего отошёл на пару метров.

– Леди, – приветствие графа отдавало холодной вежливостью.

Череша тяжело вздохнула, её платье натянулось на полной груди:

– Я это заслужила. Моё вчерашнее поведение не имеет оправдания. Но, граф, сегодня вы пересекли черту! Что за коварство принуждать девушку к поцелую?!

Она ревновала. Берберис почувствовал досаду – очередная мишура считала себя вправе укорять его. Хотя если приглядеться (а Берберис доселе особо не приглядывался к дочери торговца) на лице Черешы не было ни грамма косметики: кожа отливала здоровым блеском, а ресницы – природной чернотой; её платье шуршало новизной. Череша была искренняя в чувствах и словах, следовательно, тоже являлась *настоящей*, однако оставалась безразлична графу. Выходило, что его теория о причинах помешательства на гер-

цогине ошибочна, и Берберис опечалился ещё сильнее.

– Но я здесь не ради ссоры, – не ведая об истинной причине уныния графа, Череша скрасила свои губы миролюбивой улыбкой. – Моё намерение, как и прежде – достучаться до вашего благоразумия. Я честно пыталась смотреть на герцогиню сквозь розовые стёкла: титул, небесная безмятежность облика. Однако стоит провести с Боровинкой всего один час в классе и иллюзия безвозвратно рушится. Она до сих пор считает по пальцам и только до двадцати! Её титул – единственная причина снисхождения со стороны учителей. Боровинку не спрашивают на уроках не оттого что опасаются навлечь на себя недовольство, просто в голове у герцогини полюбившиеся вам небесные просторы. Там пусто! Герцогиня даже имя своё не может написать без ошибок. В её тетради сплошные завитушки и сердечки.

– Что вы сейчас сказали? Сердечки?

От досады Череша прикусила губу:

– Всё гораздо хуже, чем я предполагала: вы не влюблены, вы одержимы!

Боровинка рисует в тетради сердечки – особенность при-
сущая влюблённой девушке. А что если она вынуждена
скрывать свои чувства, например, из-за природной скромно-
сти или очевидной бедности предмета её страсти? Возмо-
жно, герцогиня терзается, поскольку не может позволить сво-
бодно общаться с избранником, не выдав при этом своих
чувств. Оттого молчит во время танца и впадает в крайнее

смятение лишь из-за одной близости с ним.

– Да послушайте же! – в отчаянии Череша дёрнула Бербериса за рукав.

Граф инстинктивно перехватил её пальцы и тут же разжал кулак – девичья кожа была слишком нежной и беззащитной для грубости, но обстоятельства требовали поставить точку хотя бы на словах:

– Признайтесь, Череша, что отчаянно ревнуете, оттого и ненавидите герцогиню.

– Вовсе нет! Ненавидеть Боровинку также бессмысленно, как злиться на ветер за то, что он дует! Моё сердце болит об ином: беда в том, что вы считаете себя большой рыбой в маленьком пруду и всеми силами стремитесь перебраться в иной – соизмеримый вашему тщеславию водоём. Но дело в том, что ваш пруд – тот самый, и рыба такая, какая есть. Достаточно осмотреться, чтобы увидеть вокруг любовь и поддержку.

– Сударыня, – Берберис церемонно поклонился, – я благодарен за вашу заботу и больше не смею задерживать.

Каким-то немислимым усилием Череше удалось сдержать поток слёз за густотой ресниц.

– Я продолжу молиться за вас, граф. Если бог Благоразумия существует, то он обязательно услышит мои молитвы.

Глава 12

– Клянусь всеми драгоценностями, которые сохранил мой род, я ещё не встречал девушки храбрее! – последнее, что сказал Шипек после ухода Черешки.

Наступила и пора графа возвращаться восвояси. Виконт вызвался сопроводить его до комнаты.

Берберис должен был быть пристыжен скандалом и подавлен неудачей, однако неосторожные слова о рисунках Боровинки вновь вселили в него надежду. Страсть не может пылать в пустоте – там ей просто нечего сжигать. Наверняка за видимой холодностью герцогини скрывается чувственный душевный мир.

Всю дорогу граф пребывал в раздумьях более глубоких, чем окружающая школа темнота. Его кошелёк был пуст, зато голова наполнена построением нового отчаянного плана. Сегодняшнее происшествие, хоть и с натяжкой, можно было считать победой. Герцогиня взволнована, её размеренная жизнь нарушена одной минутой. Нужно уверить Боровинку, что нарушитель всецело предан ей, и тогда нежный поцелуй из обязательного долга станет искренним желанием.

Из-за очередного поворота показались тёмные фигуры. Винить в том следовало скудное освещение, истраченное в большинстве своём на подсветку дороги к административному зданию, но один из незнакомцев незаметно вытащил пер-

чатку и с силой швырнул её в лицо графу. Берберис толком не почувствовал удара и больше растерялся чем оскорбился.

Шипек с готовностью шагнул вперёд:

– Это вызов! Извольте представиться господа.

– Извольте освободить дорогу, виконт.

– Я являюсь другом и секундантом графа, и спрашиваю в последний раз: назовитесь или проваливайте как трусливые крысы!

– Много позволяете себе, виконт!

– Если сравнение с крысой чересчур оскорбило вас, то я сию секунду готов удовлетворить вашу претензию! – Шипек отсалютовал от виска и, хотя его рука была пуста, однако сомнений для окружающих не осталось: сказанное – слово чести.

– Не растрачивайтесь напрасно, друг мой, – Берберис, наконец, пришёл в себя и поднял перчатку со снега – весом с хлопок, она показалась графу тяжелее гири. – Я отказываюсь выходить на бой с безымянным негодяем.

Самая крупная фигура покинула тень, чтобы предстать во всём великолепии габаритов:

– Маркиз Жёлуд, к вашим услугам.

– Где желаете биться, маркиз?

– Прямо здесь.

Берберис снова растерялся: он привык к стенам тренажёрного зала и яркому освещению, а сейчас вокруг лишь сугробы слабо поблёскивают в лунном свете.

– Устроим перестрелку снежками? – язвительно поинтересовался Шипек, всеми силами перетягивая битву на себя.

Маркиз молча кинул графу рапиру, тот схватил оружие на лету. Кованый клинок отливало смертельным блеском.

Берберис несколько раз рассёк воздух: боевое оружие издавало иной – отличимый от учебного звук, что тоже вызывало дискомфорт.

– Доступ в оружейную нам предоставил один уступчивый стражник, – снизошёл до пояснений маркиз. Судя по исходящему от компании запаху, стражник также расщедрился и на содержимое винного погреба. – Сегодня вы поплатитесь за наглость, граф. Вашему поступку нет прощения.

– Довольно пустой болтовни! Отныне слово за сталью! – подвёл черту виконт и помог Берберису снять камзол.

От тела валил пар, но мороза граф так и не почувствовал. Сердце в его груди стучало гулко, но ровно; теперь окружающая темнота даже немного радовала – соперник не увидит, как пылают его щёки и уши.

– Их пятеро вооружённых, – шептал виконт, – а у нас одна рапира на двоих, но будьте уверены: я имел учебные поединки с каждым из присутствующих и распишусь в неповоротливости всех, кроме маркиза. Он хитёр и предпочитает обманывать противника наигранной усталостью. Оставайтесь начеку, граф!

Лунный свет прикоснулся к лезвиям холодными пальцами. Берберис и маркиз приняли стойки. Граф чего-то ждал,

наверное, команды тренера начать бой, только маркиз бросился в атаку без всяких сигналов. На первых же секундах боя Берберис заработал несколько кровоточащих порезов, но, ошеломлённый напором противника, он даже не ощутил боли. Мощные удары откидывали его всё дальше и дальше, пока левая нога не погрузилась в сугроб по самое колено.

Маркиз издал победный рык и вложил всю мощь мускулов в единый удар, но его клинок воткнулся лишь в злосчастный сугроб.

Упав плашмя, Берберис перекатился по снегу и тут же вскочил позади маркиза. Перед ним была беззащитная спина противника, и вдруг граф замешкался – его душа упрямо отрицала неизбежность конца.

Секунда была упущена и дуэль возобновилась лицом к лицу. Теперь Берберис ловко уклонялся от ударов: маркиз хрипло дышал, его выпады потеряли былую скорость. В какой-то момент противник совершил вялый удар и открылся. Бербериса словно подтолкнули в бок: вместо контратаки он выставил защиту, и коварство противника разбилось о калёную сталь.

Из положения защиты граф парировал и, согласно тренировкам, ткнул острием неприятеля в грудь. Произошла всего лишь отточенная уроками последовательность действий. В первое мгновение ни маркиз, ни граф даже не заметили, что битва окончена. Берберис смотрел на дело своих рук и дивился не столько скорости расползания бордового пятна

из-под клинка, а той податливости, с которой плоть приняла в себя сталь.

Маркиз рухнул в снег. Его товарищи выхватили оружие. Простым, но далеко не благородным приёмом – ударом ноги, Шипек вышиб рапиру у ближайшего недруга.

– Дуэль прошла по всем правилам! Или вы покажете маркиза врачу, или койки лазарета займут ещё четверо болванов!

Совещания не последовало – здравый смысл подсказал послушать виконта без лишних разговоров, тем более, что кровь маркиза уже перепачкала снег. Товарищи подхватили павшего друга и понесли к лазарету. Там горел свет.

Глава 13

Наверняка на свете существует злая сила, задача которой перемешивать последовательные дневные события в вязкую кашу сна. Берберис бредил на своей кровати видениями каморки начальника стражи, где герцогиня рисовала на столе сердечки, затем маркиз бил его картами в лазарете. Но вот на окраине сновидения мелькнула полоска янтаря, внося толику душевного спокойствия, однако злая сила не дремала и размазала прядь кровавым пятном по белому снегу.

Берберис перевернулся на другой бок, случайно зацепил свежую рану и непроизвольно застонал. Он лежал один в темноте. Оставленная Шипеком свеча давно потухла. Перед уходом виконт помог ему забинтовать раны и напутствовать: «У Боровинки найдётся ещё парочка заступников. Обстоятельства таковы, что лучше не ходите без сопровождения. И никому не открывайте дверь».

Снова раздался тихий скрежет. Видимо этот звук, а не кошмар послужил причиной пробуждения Бербериса. Граф с трудом сел, его тело и разум пребывали в жару, в мышцах нарастало последствие недавнего напряжения.

Скрежет прекратился, зато замочная скважина разразилась шёпотом:

– Ваша Светлость!

Берберис нашёл новую свечу и спички. Для его воспалён-

ного взгляда пламя показалось немногим теплее ледышки. На поворот замка тишина отреагировала злобным эхом, крохотная фигурка за дверью сжалась от испуга.

– Профессор? – Берберис решил, что видит продолжение бредового сновидения: за прошедшие сутки Узвар стал ещё меньше и старше – невозможные в реальности метаморфозы. Граф, играючи мог поднять его одной рукой и заткнуть под стул. – Вы должны были покинуть школу.

Скрюченный сверх меры профессор чуть ли не ползком добрался до кровати, но так и не осилил её высоту. Он остался в полусидячем положении, прислонённый головой к матрасу.

– Не могу! ОН не пускает. Чуть свет я собрал чемодан, но всякий раз меня откидывало от ворот. Под страхом разоблачения, я сжёг остатки фруктов, чтобы задобрить ЕГО. Тщетно! О чём вы говорили, граф? Что вам посулил Дракон?

В ночи говорить о древнем боге следовало крайне осторожно, однако голос Узвара был еле слышен и со стороны напоминал шелест ветра по листве. Берберис сжалился над стариком и, приподняв, усадил-таки на кровать. Тело под одеждой оказалось лёгким и тонким, словно худое полено, которым и камина не растопить. В нём словно не было жизни.

– Неужели вы заключили сделку?! – Узвар в панике принялся хватать Бербериса за руки со свирепостью и силой котёнка.

Ярко-жёлтые глаза зверя уставились на графа из всех те-

ней. На поверхности – стёклышко, а занырни взглядом глубже и будешь опален до кости бурлящей лавой. Дракон смотрел не как обычный человек – он видел самый сок плоти.

«Ты прекрасно знаешь, чего я хочу, дитя, – с присвистом произнёс Дракон, обнажив всепоглощающую алчную пасть. – Издревле мои последователи приводили к алтарям юных дев, за что получали крепкое здоровье и силу десятирех! Ты же получишь власть над страстью!»

Всего лишь капля крови... Будь тогда у Бербериса кинжал вместо свечи, он рискнул бы головой. Что до жертвоприношений...

«Мой прадед рубил твой род не для того, чтобы его потомок убивал невинных! Проваливай со своим предложением, демон! Твой алтарь и твой последний приспешник рассыпаются – вот причина долгой жизни профессора: с его уходом некому будет предложить тебе даже высушенного подорожника!»

Дракон оскалился. Хвост сжался на теле Бербериса, выдавливая из него стон и остатки воздуха.

«От твоих губ ещё не выветрился запах молока. Ты дерзишь повелителю сожжённой в пепел ночи и хозяину кровавых садов! Я могу сломать тебя пополам, но предпочту смотреть, как потомок Проклетов сам изничтожит себя. Ты болен и лекарство лишь одно...»

С этими словами Дракон исчез. Громадная туша попросту втянулась в тело Узвара. Профессор лежал без сознания,

но живёхонек. Графу было настолько плохо, что он только и сумел добраться до кровати, где рухнул без чувств.

– Я отверг предложение. Мы ничего друг другу не должны, – Берберис осторожно разжимал пальцы профессора на своём запястье – он боялся случайно сломать иссушенную до состояния трухлявой деревяшки плоть.

Профессор отчаянно затряс головой:

– Дракон всё ещё здесь! Обычно после ритуала он возвращается в свой мир, но в этот раз поселился в моём животе и не желает уходить. Мои внутренности опалены. Выпитая вода обращается паром. Умоляю, дайте Дракону желаемое...

– Нет! – граф отдернул руку с силой, невольно увлекая Узвара с кровати. Тот упал на пол со стуком пустотелого предмета.

Берберис с жалостью и презрением смотрел на тугой комок у своих ног. Даже не вериться, что из этого безобидного кокона на свет выползает древнее зло.

– Тогда убейте меня, – «кокон» обратил вверх умоляющий взгляд. – Жизнь, которую я так отчаянно боялся потерять, обернулась мукой.

Всего день страданий и профессор уже готов сдаться. Граф подумал, что страдает гораздо дольше, но упрямо продолжает вести борьбу за каждую минуту. Осознание превосходства над пожилым человеком, не познавшим в жизни боли сильнее, чем головная, отдавало горечью. Берберис пожелал сию секунду вымести из своей комнаты всю слабость,

пусть и заключённую в немощном теле.

– Осталась последняя ночь, – он поставил свечу на стол и сравнил её огонёк с разгорающимся за окном рассветом, – затем Дракон уйдёт. Уходите и вы, профессор.

Через секунду послышалось шарканье подошв, и дверь тихонько затворилась. Заря сталкивала округлым плечиком упрямую ночь с небосклона. Берберис привычно потянулся к золотистой бахrome. Его фаланги вдруг стали твёрже стали. Граф сорвал штору и втоптал пяткой в пол. Он пытался внести в свою жизнь хоть толику искренности.

Глава 14

Утром воздух свился тугим канатом из крепкого мороза. Рамы трещали от натуги, снег переливался миллионами крошечных бриллиантов, сосульки сверкали полированным блеском.

Проснувшись, первым делом юные господа кинулись разжигать печки, а уже после занялись пересудами и перемалыванием впечатлений от двух дней празднования. С завтрашним рассветом вернутся школьные будни, поэтому сегодня дирекция обязана выкинуть что-то яркое и свежее, как задубевшее зимнее солнце.

Центр всех предыдущих увеселений – административное здание сковывали мрак и тишина, лампы были сняты с главной дороги – признак того, что праздник перенесён в другое место.

Чтобы удостовериться пришлось укутаться в шарфы по самые ноздри и выйти за тёплый порог. В звенящем воздухе отчётливо слышался звук инструментов со стороны школьного парка – там кипела работа. Всего за ночь силами служащего персонала парк был расчищен, с десятков плотников не жалея сил соорудили всевозможные качели-карусели. Видимо, не укладываясь в срок, плотники торопливо собирали последний аттракцион – полосу препятствий. Разгорячённые спешной работой они покидали куртки на землю и те

давно сковались морозом. Представитель школьной администрации недовольно поглядывал на карманные часы, а когда границу парка одолели первые учащиеся, звонко хлопнул крышечкой, оповещая плотников, что отныне оговорённой оплаты не будет. Последний гвоздь криво вошёл в дөрввяшку.

Официально праздник начался ближе к ужину, когда задёртными за прошедшие дни лентами украсили гриву дөрввянным лошадкам, поставили большой котёл с водой на костёр для кипячения чая и украсили дөрввя темими современными лампами.

Дабы не отлавливать дворян по кустам, священник зачитал короткую проповедь прямо перед входом в парк. Затем из соседнего корпуса привели юных леди, и священник зачитал проповедь повторно. Директор разрезал символическую ленту, началась потеха.

Юноши первым делом пожелали опробовать полосу препятствий – череду лестниц и канатов, леди сгрудились вокруг котла, желая согреть пальцы о тёплые кружки, а носики в ароматном пару. Конфузы начались с первых минут, когда одна из учениц умастилась на выкрашенные качели, после чего подруги обнаружили у неё ниже крупа пятно; шляпки гвоздей цеплялись за штанины и подолаы; карусели скрипели, лампы накаливания отказывались работать на сильном морозе.

Предполагалось, что праздник закончится с наступлением

темноты, когда отгремит салют, однако кипяток закончился уже через час. Уставший слуга, торопясь, споткнулся и перевернул последние напитки на платье баронессы. Утомлённая за два дня праздников, баронесса разревелась.

Посоветовавшись, представители администрации решили выделить дополнительные продукты. На столах появились конфеты и бутерброды. Холодные бутерброды оказались отвратительны на вкус, а замёрзшие конфеты не поддавались зубам. Оставалось только наслаждаться сплетнями, поскольку никого из участников вчерашнего скандала в парке не видели. Поговаривали о внезапной болезни герцогини, злые языки тут же подхватили идею, что Боровинка наверняка разминает уста перед оплатой нежного долга.

Когда же укутанная в соболя герцогиня всё же появилась на празднике, пересуды перекочевали в плоскость перешёптываний и многозначительных переглядываний – вид она имела растерянный.

– Друзья сказали, что я не должна выказывать слабость, – сообщила она первому же дворянину, выказавшему ей своё почтение.

В это время на другом конце парка некто поднял с земли случайно оброненную перчатку, а вместе с ней слово «дуэль» и разнёс слухом. Произошла смертельная битва между графом и маркизом! Ах, и ох! Как? И маркиза сегодня нет?!

Терзаемые нехваткой информации, дворяне принялись строить теории на фундаменте из сугробов. Поток домыслов

плавно огибал островок герцогини, но звон воздушных масс всё же донёс до её ушка отголосок скандала.

– Это очень сложно, – она пыталась вспомнить более подходящее слово для данной ситуации, но в итоге попросту прибегла к головокружению. Друзья принялись отговаривать Боровинку уходить с праздника.

Больше салюта все с нетерпением ждали развязки истории, закончить которую мог лишь один человек. Но где же граф?

Берберис был болен. Он битый час искал куртку, пока не вспомнил, что кроме школьной у него нет иной зимней одежды. Затем последовала возня с пуговицами.

Граф сел на кровать, чтобы сохранить равновесие.

– Что вы творите? Нельзя оставлять дверь открытой! – Шипек вошёл к нему без стука. Виконт предпочёл не упоминать причины для осторожности и возможные последствия неосторожности, а затем заметил состояние графа.

– Дружище, вам срочно нужно к врачу.

– Не стоит беспокоиться.

– Если вы опасаетесь встретить маркиза, то знайте: соперник прикован к койке минимум на две недели. Его дружки сбежали от порога лазарета, бросив маркиза в снег. Он умолчал имена, иначе мы давным-давно «гостили» бы у Храста.

– Мне пора на праздник.

Шипер схватил графа и заставил взглянуть на себя:

– Иногда лучше отступить, чем довести дело до конца.

Простите герцогине долг – закончите этот скандал.

Берберис перехватил руку виконта и медленно отвёл в сторону. Под его ладонью кожа Шипека казалась холоднее льда.

– Продемонстрируйте, как именно следует отступить – уходите с моего пути.

– Неужели нет способа переубедить вас?

– Или я добуду всё, или смерть, – Берберис сообразил, что невольно процитировал надпись с родового герба.

Их взгляды с виконтом схлестнулись клинками.

Со стороны двери раздалось деликатное покашливание – в комнату заглядывал лакей. С дежурной любезностью он передал графу устную просьбу директора безотлагательно явиться к нему в кабинет, чем вручил Берберису предлог избавиться от общества виконта.

Глава 15

Неприбранный после вчерашних игр актовый зал был уныл, как ощипанная курица. Свёрнутые в рулоны ковры пылились по-над стенами третий день. В углу дремала уборщица. Гулкие шаги графа привели её руки в движение ещё до того как успели разлепиться веки – она исполнилась метаний. Пахло вином и потом, стыло от окон.

Директор открыл двери своего кабинета навстречу графу, будто распахнул лазейку в мир тёплого света. Высокое, вылизанное от пола до потолка помещение сверкало хрусталём и начищенными канделябрами. Над большим камином висел портрет директора в полный рост, напротив портрета, к стене был прибит символ церкви. Помимо титула, директор Верта носил и церковный сан, отчего позволял себе появляться как в камзоле, так и в рясе. Сейчас он был в рясе – дородный мужчина в расцвете лет. Простота облика и крестьянская грубость черт, по видимому, доставляла директору душевный дискомфорт, оттого он всячески скрашивал внешность украшениями и дорогими тканями, но при этом имел поверхностный взгляд скупердяя.

Граф был приглашён к столу, ему нацедили вина. Мелочная вежливость подкатила к горлу Бербериса одновременно с открытием, что в кабинете присутствует третий – начальник стражи сидел позади в кресле и колол руками оре-

хи. Скорлупа отзывалась его именем на каждое напряжение пальцев.

– Вы плохо себя ощущаете? – директор мельком окинул графа взглядом.

– Всё прекрасно.

«Храст!» воскликнул, ломаясь, орех.

Директор досадливо поморщился.

– Я не просто так отвлек вас от праздника. Ситуация такова...

«Храст!»

Тут директор взвёлся пружиной:

– Хотите что-то сказать, господин стражник?! Вы специально пришли, чтобы изъясниться – не томите же нас!

Храст спокойно стряхнул сор с колен прямиком на дорожкой ковёр:

– Насчёт ран графа.

– Каких ран? – взгляд директора, не способный проникнуть глубже стежков на ткани, издали оценил Бербериса.

– Иногда краями карт или рапирами, например, можно глубоко порезаться. Промывки водой и перевязи бывает недостаточно, – пояснил Храст.

– Никаких ран нет, – отчеканил директор, словно подводя итог всем существующим на свете порезам, как грязным вымыслам. – Вы уже утомили нас, господин начальник стражи! Переходите ближе к предмету беседы, за которым вы также желали повидаться с графом.

– Я всё сказал, – Храст поднялся из кресла. – У начальника стражи много дел: кто-то взломал подвал, две высоко-родные барышни поутру не поделили дверной проём, близится третья ночь полнолуния... Честь имею! – напоследок он вежливо поклонился, однако даже после его ухода в помещении сохранилось неприятное ощущение присутствия постороннего.

– Трудно выразить, как я опечален этим инцидентом, – директор сокрушённо говорил в полголоса, словно кабинет был арендован им напрокат, а арендодатель только что повысил плату. – Будь моя воля... Но у главы стражи есть влиятельные друзья. Я связан по рукам, – он удостоверился, что Берберис не упрекает его и немного успокоился:

– На самом деле, я взял на себя смелость быть в числе первых, кто поздравит вас: вчера вечером графиня благополучно разродилась чудным малышом. У вас теперь есть брат.

Он протянул даже не письмо, а записку без печати, прочитать которую мог любой желающий. Берберис принял послание так, словно оно обязательно воспламенится в его пальцах. В малочисленных строчках помимо основной новости сообщалось, что новоиспечённый граф имеет вес больше трёх килограмм и здоровый аппетит, ниже отец призывал Бербериса собрать вещи и покинуть школу – у семьи больше нет возможности оплачивать его обучение.

– Кто-нибудь ещё знает об этом? – граф для наглядности развернул записку перед директором.

Тот расщедрился на улыбку – единственную ценность, которую готов был безвозвратно одолжить:

– Понимаю. Школа чтит семейные секреты. Наслаждайтесь праздником. С утра экипаж отвезёт вас на железнодорожную станцию. Вам нужны слуги, чтобы помочь с вещами?

Три года назад, при поступлении, Берберис лично затаскивал чемодан в комнату. Нынешние экипаж и слуги служили своего рода бархатным башмаком, которым ему отвешивали смачный пинок за ворота.

– Благодарю, но нет.

Вытянутая осанка Бербериса неожиданно сдала. Из кабинета он вышел нетвёрдым шагом и тут же был подхвачен под руку начальником стражи.

– Оставьте меня в покое!

– Ни в коем случае. Граф вы или нет, но, являясь учеником Верта, находитесь под моим попечением. Считайте, что я ваш суетливый дядюшка.

– Вы мерзавец!

Храст вздохнул:

– Подслушивать – привычка с предыдущей работы. Тут ничего не поделать.

Они проследовали на свежий воздух. Практически невесомое небо раскинулось над головой. Небо зимой иное, чем знойным летом – оно настолько гладкое и раскинулось так высоко, что и взглядом не уцепиться.

Впереди показалось общежитие для стражей – кирпичный домишко, единственный этаж которого внутри вытянулся длинным коридором; комнаты для стражников располагались по бокам. Обычно в спальнях стояло по четыре койки, но у начальника была привилегия – личные апартаменты с печуркой и шифоньером.

Печурка почти потухла, и Храст подкинул пару поленьев. Вспыхнуло радостно и ярко. За дверцей шифоньера открылся вид на праздничный мундир – новёхонький и весь в наградах. Никто не видел начальника стражи в иной одежде, чем обычная форма, создавалось впечатление, что он даже спит в ней.

Храст протянул графу кружку с питьём:

– Лекарство от воспаления и температуры. В прошлом сам часто им спасался.

Берберис покончил с горьким содержимым в три захода. Желудок громко напомнил, что он пуст.

В руках Храста появилась вазочка с печеньем:

– Угощайтесь. Думаю, на кухне ещё осталась колбаса после обеда.

Тут что-то было не чисто: слишком много учтивости и заботы, слишком мало вопросов.

Храст подождал с вазочкой наперевес, после чего отдал должное наблюдательности графа и пояснил:

– Я ведь знал, что прольётся кровь. Вчера ночью на дуэли был ранен маркиз Желод. Ему попался жестокий соперник –

метил прямиком в сердце, но промазал. Последний раз я видел маркиза на койке без сознания. Врач сказал, что следующие часы решающие: либо Желод выживет, либо произошло убийство.

– С каких пор смерть на дуэли считается преступлением?

– А! Если речь идёт о дуэли благородных, то не считается; дуэль с простолюдином зовётся «дракой», – Храст задумчиво посмотрел на Бербериса:

– Я очень виноват, граф, и прошу простить меня. Нужно было сразу принять меры. Нужно было ещё вчера запереть вашу благородную задницу!

Начальник стражи подался вперёд, и макушка Бербериса оказалась во власти пятерни, которая недавно колола орехи.

– Рана маркиза – всего лишь начало! Твой надлом вкусил первой победы и потребует большей крови!

Хватка ослабла. Скальп Бербериса, не знававший доселе побоев, жгло немногим слабее, чем щёку от горячего дыхания Храста.

Начальник стражи встал и поправил пояс:

– Ваша Светлость побудет у меня до завтрашнего утра. Вам ничего не грозит – у дверей караулит верный человек: его не подкупить и не запугать. Скоро Вашей Светлости принесут еды и приведут врача – нужно обработать раны.

Рискуя свернуть себе шею из-за приступа головокружения, Берберис резко подскочил и кинулся к окну. Шторы разлетелись в разные стороны, граф в отчаянии ударил по

стеклу – с противоположной стороны окно оказалось запечатано крепкими ставнями.

– Ну! Вы же не в тюрьме, а в гостях, – укорил его Храст. – Отдыхайте, Ваша Светлость.

Глава 16

Врач не задавал вопросов, стражник неотступно караулил за дверью.

Вскоре жар спал, к мышцам возвратилась гибкость, даже раны под бинтами стали меньше ныть и у графа появилась возможность размышлять, не отвлекаясь на физические муки и посторонних.

Начиная со вчерашнего вечера он – никто, следовательно, проиграл. Однако измерение периметра комнаты шагами, разгоняло кровь, но не помогало добавить сердцу смирения. До завтрашнего утра сохранность тайны гарантирована и остаётся крохотная возможность добиться успеха, ведь для страсти не существует титулов. Доказательство тому – его простородная мать, некогда полюбившая молодого графа.

Боровинка сейчас пребывает в смятении, и её сердце является податливым материалом. Осталось приложить последние усилия, чтобы на свет появилось прекрасное, пылкое чувство. Тогда-то можно праздновать победу собственного упорства!

Вспыхнувший торжеством взгляд Бербериса тут же поскучнел – его окружали стены. Из заточения до герцогини не достучаться.

«Тук-тук» раздалось из-за окна. Берберис припал к стеклу. В щель между створок протискивалось слишком мало

света, чтобы удостовериться наверняка, как вдруг на фоне снега мелькнула янтарная прядь.

– Череша! Умоляю, откройте ставни!

Заскрежетала щеколда – девичьим пальцам было тяжело одолеть упрямый металл, но через пару секунд уличный свет беспрепятственно ввалился в комнату.

Берберис распахнул окно и ловко одолел подоконник. Девичья талия оказалась в его руках, и Череша на секунду стала ближе к небесам.

– Спасительница!

Девушка спрятала смущение за меховым воротником.

– Я видела, как начальник стражи уводил вас под руку. Говорят, вы убили маркиза.

– Он мёртв? – Берберис спрашивал из вежливости, сейчас все его помыслы и, как и поступь устремлялись к иному.

– Это слухи, – Череша из последних сил успевала идти за графом в ногу. – Виконта Шипека отвели на допрос. Он тоже причастен к дуэли?

– Виконта скоро отпустят. Лучше скажите, дорогая Череша, герцогиня пришла на праздник?

Девушка даже подпрыгнула от возмущения:

– Снова вы за своё: «герцогиня то, герцогиня сё». Одна Боровинка на уме и языке!

Берберис встал и навис над Черешей неммым вопросом.

– Да! – выпалила та. – Ваша ненаглядная герцогиня на празднике полощет уста в чае!

Не это ли подтверждение её чувств, ведь Боровинка могла сказать больно и отлежаться в постели?

Новость будто окрылила графа. Он пробирался к парку, не замечая глубины сугробов и окружающих косых взглядов. Граф напрочь забыл об осторожности, Шипеке и Храсте. Среди бурлящей безликой толпы он сразу же увидел её. В свою очередь, герцогиня тоже заметила графа. Случайные прохожие ненароком цеплялись за протянувшуюся нить взгляда и предпочитали уйти у графа с пути.

Берберис поклонился герцогине:

– Рад видеть вас, прекрасная госпожа.

Боровинке стало явно некомфортно в пышных соболях. Пока она пыталась выдумать достойный ответ, граф успел оценить обстановку и составить план:

– Пожелает ли герцогиня мне удачи?

Ресницы Боровинки заметались мотыльками:

– Что вы имеете в виду?

– Я намерен в вашу честь одолеть полосу препятствий.

– И что с того? – нежные пальчики нервно ощипывали соболиный мех на рукаве.

– Мой путь пройдёт сверху конструкции – по опорным столбам. Высота приличная, один неосторожный шаг и можно свернуть себе шею.

– А я при чём?! – страдала герцогиня.

– Если вы пожелаете мне удачи, то при благополучном исходе я прошу ваш долг.

Герцогиня растерялась. Подруги с готовностью принялись разъяснять ей ситуацию.

– Получается, что если вы пройдёте до конца, то простите мне долг, а если свернёте себе шею, то я должна буду поцеловать вас?

– Именно.

Подруги тут же прильнули к ушам герцогини, но та опередила советчиц решительным:

– Удачи, граф!

Душу Бербериса будто остриём рапиры ужалили – уж чересчур поспешным был ответ, но избранный путь нельзя изменить и, сбросив куртку, граф полез на опорный столб. Внизу уплотнилась толпа, грозя напором тел раскатать всю конструкцию. На графа были обращены сотни лиц – мелких и безликих в единой своей массе.

Всё-таки он недостаточно окреп после жара – наверху сразу же закружилась голова, и первая секунда безрассудства чуть не обернулась для него погибелью.

К эпицентру события через юных дворян торопливо пробирались стражи и учителя.

– Ваша Светлость, немедленно спускайтесь! Поверху нельзя!

Берберис прыгнул на следующий столб. Толпа вздрогнула. Кто-то неуверенно захлопал и Берберис прыгнул опять. Ступня попала на край спила, граф замахал руками, сохраняя равновесие. Несколько девушек внизу изобразили обмо-

рок, одну даже успели подхватить.

Берберис белкой прыгал снова и снова. Он не ощущал ни холода, ни страха, только близкий конец своего пути.

Последний столб предстал преддверием к мечте. Граф прыгнул, и тут наспех сколоченная конструкция явила неустойчивость – столб накренился под дополнительной тяжестью. Полоса препятствий поползла по швам. Зрители зашлись в крике. Падая, граф ухватился за натянутый канат и повис на нём, сползая к земле вместе со столбами. Из древесного завала его извлекли на свет – шокированного, в занозах, но целого.

Публика голосила: «Браво!». Не иначе благодаря тычку в спину, герцогиня предстала перед Берберисом лицом к лицу.

– Вот и я, госпожа, – граф быстро сморгнул шок ради возможности утонуть в глазах Боровинки.

– На этом всё? – личико той сложилось знаком вопроса. – Я вам больше ничего не должна?

Плохое предчувствие заныло у графа под ложечкой:

– Н-нет.

– Слава богу! – выдохнула герцогиня и подалась прочь. Её место уже торопилась занять стража.

Те же руки, что извлекли графа из-под завала, услужливо втянули его в гущу толпы и стали стеной для блюстителей порядка, тогда как на пути Бербериса учащиеся Верта охотно расступились, освобождая дорогу.

Глава 17

Ни прощального взгляда, ни дрожи в голосе – герцогиня просто развернулась и ушла.

Душевная боль и сомнения неслись впереди голоса разума, став проводником для Бербериса из ярко освещённого парка к тёмным закоулкам Верта. Лишь когда окружающий мрак поравнялся с набухающей в его душе пустотой, граф остановился.

Будто в издёвку память подсовывала одну и ту же картину – взгляд на себя со стороны в тот самый момент, когда герцогиня низвергла его до уровня пристыженного выскочки при камзоле и неудачливого любовника. Тяжесть воспоминания приравнивалась к массе многотонной ночи. Граф зачерпнул горсть снега и погрузил в неё пылающие щёки. В ладонях осталась лишь вода.

Послышался скрип снега под каблучками.

– Вот вы где! – Череша – тёплая и румяная от бега, облегчённо выдохнула. – Я опасалась самого худшего, ведь вы так импульсивны!

Застукай Черешу кто-нибудь в темноте рядом с молодым человеком и слухи размножатся саранчой, но ни страх позора, ни иной довод не могли заставить девушку покинуть возлюбленного в тяжёлый час.

– Знаю, что вам сейчас больно, – она потянулась к краю

куртки Бербериса, словно за кончиком путеводной нити. – Лучше прозреть пока не стало слишком поздно, граф.

Ткань слегка натянулась и Берберис почувствовал, что выворачивается наизнанку:

– Уже нет. Никакой я не граф...

Череша молча слушала долгую и сбивчивую исповедь. На её глазах Берберис опустошал себя – вычерпывал переживания и надежды, словно перекишшее вино из бочки и безжалостно выливал на снег.

Под конец исповеди девушка облегчённо выдохнула:

– Всего-то!

А Берберис вздрогнул как от удара.

– У вас родился брат. Ну и что? Это никаким образом не отменяет факта, что вашей отваги и целеустремлённости хватит на сотню графов!

Пустоту в душе Бербериса заполнило негодование. Конечно, он не мог винить дочь торговца тканями за легкомыслие. Не имея титула нечего и печалиться о его потере. Череша была богата – достаточное основание для счастливой жизни. Её будущее можно было смело сравнить со сладкой карамелькой в драгоценной обёртке.

Под нажимом эмоций, мысли Бербериса перетекли из русла отчаяния в бурлящие просторы злобы и обиды. Несправедливо, что над его невзгодами потешается упрямая девица с богатеньким папой под боком!

– Вы окажете мне последнюю услугу, Череша?

Глаза девушки вспыхнули тревогой:

– Не говорите так, словно прощаетесь! Я люблю вас и буду помогать пока бьётся сердце!

Берберис принял эту клятву. Его сердце вдруг отяжелело и оледенело. Возможно, что лекарство утрачивало свою силу и граф вновь начал лихорадить, однако холод внутри показался ему чем-то давним – тем, что он много дней кряду лелеял и кормил с руки.

В молчании они миновали несколько корпусов, оставляя шумный парк слева. Небо внимательно следило за их перемещением. Дом профессора встретил гостей плотно зашторенными окнами и тишиной. Звёзды подмигнули в такт ударам Бербериса по деревянной двери. Отсутствие свидетелей показалось графу благим знамением.

– Профессор, откройте!

Ни звука. Берберис надавил на створку и та поддалась – очередной благоприятный знак.

– Зачем мы здесь? – Череша явно нервничала, однако ответили ей лишь скрипучие половицы.

Дом профессора был крошечным как снаружи, так и внутри: гардеробная, туалет и маленькая спальня, в которой разместилась кровать стол и сумрак. Одинокая свеча догорала в углу на тумбочке. Тени колебались, готовясь с издыханием света поглотить комнату целиком.

Профессор сидел на кровати. Нет, даже не сидел, а скрючился в подобии внутриутробной позы младенца, однако от

каждого излома суставов веяло неподвижностью смерти.

– Пришли! – при виде незваных гостей старичок испытал радость умирающего, к смертному ложу которого явились-таки родственники. – Последняя ночь и ОН уйдёт, верно?

Пальцы профессора потянули за горловину халата. Лёгкого усилия оказалось достаточно, чтобы ткань раскрыла доверенный ей секрет: тело под халатом было чёрной сожжённой деревяшкой.

Череша попятилась к выходу. С Берберисом же приключился ступор: ему померещился кошмар, в котором профессор подскочил на кровати так, будто его пнул матрас; испепелённая плоть затрещала и посыпалась углём; из обожжённого нутра, работая когтями, путь себе прокладывал Дракон. Изломав почерневшие рёбра мёртвого миньона, древний бог предстал перед графом во всём кошмарном величии. Лишь правая лапа осталась обутой в профессора и, ступая, подволакивала безжизненную плоть, как старый тапочек.

– Я ждал, дитя.

Дракон подался мимо Бербериса, опалив его брови одним выдохом. Длинная лапа подхватила Черешу, словно девушка была не тяжелее тряпичной куклы; когти вонзились в причёску, срывая гранатовые заколки. Локоны Череша рассыпались драгоценным блеском в затухающем свете свечи.

– Чистый янтарь! – восторг Дракона был радостью изголовавшегося хищника. – Ты выполнил уговор, дитя. Прини-

май мою кровь в сосуд и властвуй над страстью!

Граф растеряно заморгал:

– Сосуд?

В ответ из пасти Дракона излился смех вперемешку с жаром:

– Можешь подставить ладони, только они будут сожжены до кости.

Берберис в панике осмотрелся, его действия не были спланированы заранее, а значит, и корить себя за непродуманный план не имело смысла. Дракон прокусил своё запястье. Граф стремительно схватил глиняную кружку профессора и подставил край под раскалённую кровь. Если капли было достаточно для воспламенения страсти в одном сердце, то Дракон нацедил с избытком на всю школу.

– Прощай потомок Преклетов. Я возвращаюсь в свой мир, а ты храни тайну в своём.

Тело профессора под лапой Дракона окончательно рассыпалось углями, образовав зловонное пятно на полу, только окоченевшие члены и голова остались лежать по краям. Дракон погрузился в пятно, унося с собой сверкающий ворох шелков и локонов.

Берберис остался в комнате один.

Глава 18

Ночь и мороз тесно сковали свой союз, призвав луну в свидетели. Ступни утопали в снегу, каждый последующий шаг превращался в испытание для мускулов. Пока ноги боролись с тяжестью свинца, голова графа готовилась взмыть к небесам. Разделение тела происходило под присмотром холодных окон в пустых домах.

Кровь Дракона бурлила внутри кружки, очень скоро стенки раскалились. Граф на секунду опустил тару к ногам, чтобы дать пальцам остыть, однако от соприкосновения с ледяным настом глиняное дно треснуло, и вся кровь моментом вытекла. Снег под кружкой зашипел, обращаясь в пар. Со дна снежной проплешины на мир удивлённо посмотрела коричневая земля, разбуженная до срока из зимней спячки. Граф опустился на колени перед деянием своих рук. Холодный ком в его душе неожиданно расплавился и пролился из глаз.

Из-за сугроба на Бербериса наскочил виконт Шипек:

– Где-то неподалёку кричала женщина! Разве вы не слышали?

Слышал ли он что-либо вообще, кроме биения пульса в ушах?

– Теперь всё потеряно! Её больше нет! Дракон забрал Черешу...

После этих слов шиворот графа стал заложником рук виконта. Берберис словно очутился в эпицентре землетрясения, а сердце из живого органа превратилось в деревянную колотушку. Под нажимом пальцев Шипека правда, подобно рвоте толчками выходила из нутра графа. По завершении душевного очищения Берберису ничего больше не оставалось кроме как подняться и брести вслед за виконтом. Снег под подошвами безжалостно объявлял приговор.

Вскоре морозный скрип сменился визгливыми приветствиями знакомых половиц в доме профессора. Свеча давно остыла и, хотя мрак окончил своё воздвижение среди стен, однако пятно на полу искрилось живой тьмой. Лишь воображению было под силу оценить глубины потусторонней пропасти.

Виконт стоял над пятном и, судя по всему, как раз мысленно прикидывал расстояние. Очередная половица, словно прилежный швейцар оповестила о приближении Бербериса. Виконт резко обернулся:

– Я же сказал бежать за Храстом!

– Лучше оставайтесь на местах, – начальник стражи сам появился беззвучно из темноты коридора, чем подставил под сомнение свою причастность к живым. Сейчас он походил на призрачного воина с сумрачным взглядом и обнажённой рапирой, который привёл на битву молчаливых воинов.

Один из стражников приподнял лампу, разрушая иллюзию. Свет ударил по тьме молотом и тени забились по щелям,

оголяя ужас происшедшего. При виде останков профессора, виконт стал бледнее мела, кто-то зашептал молитву.

– Это моя вина... – граф с готовностью выступил вперёд, теперь правда слетала с его губ легче плывущего по течению пёрышка.

На середине душевных излияний Храст резко махнул рукой – будто водрузил плотину:

– После поговорим. С этой минуты в школе вводится чрезвычайное положение. Все учащиеся обязаны собраться в административном корпусе.

– Вы с ума сошли! – в отчаянии виконт схватился за голову. – Нужно немедленно идти за девушкой! Времени до рассвета, а затем путь в мир Дракона закроется!

– Упрямый мальчишка! – зарычал начальник стражи. – Не вынуждай силой тащить тебя!

Скулы и виски Шипека стали твёрже гранита, внутренний порыв двинул было его тело вперёд одновременно с рвущимися из сердца доводами, как вдруг виконт успокоился. Решительность коснулась бледного лица, расслабив мускулы.

– Лучше захватите мне рапиру. Честь имею! – с этими словами он прыгнул во тьму.

Это произошло до того неожиданно, что в первую секунду никто не осознал куда подевался Шипек – вот он стоял на виду и вдруг исчез из земной плоскости, да и вовсе из мира. Лишь пятно на полу вспыхнуло чёрными искрами, поглотив очередное тело.

– Не с места! – рывкнул Храст.

Берберис удивлённо посмотрел на начальника стражи: это он ему говорит? Так и было: тело графа словно обрело собственную волю и вершило путь, пока голова задавалась посторонними вопросами.

– Идиот!

Оскорбление настигло Бербериса уже в падении. Отчего-то он думал, что погрузится в мутную жижу, однако стремительно летел вниз сквозь острые угольные пласты, пока оцарапанный не рухнул из обожжённого древесного ствола на серый лёд в мире Дракона.

Здесь царила ночь. Куда ни посмотри – всюду шеренги деревьев – тёмных, с кривыми стволами и протянутыми к неподвижному небу ветвями. Деревья будто застыли в немой мольбе к небесам ниспослать им смерть, чтобы избавиться от убогого существования. Сад Дракона оказался больным, заражённым тишиной и безветрием местом. Редкие плоды тощих деревьев напоминали почерневшие человеческие сердца, они сочились кровавистой жижей, словно изливались слезами отчаяния. Воздух был до крайности сух и понизан вонью дикого зверя.

С первым же вдохом горло графа взмолилось о воде, язык готов был сию секунду припасть ко льду, однако присмотревшись, Берберис обнаружил, что под ногами утрамбованный до каменистой твёрдости холодный пепел.

– Всё-таки пришёл, – Шипек помог графу подняться. –

Признаться я рад. Стоит один раз осмотреться, чтобы испытать отчаяние. Здесь слишком тихо, как на кладбище...

Древесный хруст прервал слова виконта – перепачканный и в кровотокающих порезах начальник стражи грузно ввалился в мир Дракона. Разрыв на обожжённом стволе тут же сросся за ним корявым рубцом.

– Кретины, – слово покинуло рот Храста вместе с угольным крошевом. Однако помимо ругательства сквозь ужас падения он пронёс с собой две рапиры.

– Теперь выбора нет – вы примете бой, – начальник стражи передал дворянам оружие, сжатая в ладонях рукоять которого определённо добавляла уверенности. – Держитесь за мной и помните, что в логове зверя мы – добыча.

Вооружённые воины выдвинулись в путь. Вскоре к хрусту подошв добавился хруст лёгких – тело умоляло о глотке воды. Но вокруг не было ни одного источника. Можно было попробовать припасть к сочащимся плодам, однако вся человеческая брезгливость, цивилизованность и здравый смысл противились этой мысли. Окружающий сад был сер, но далеко не уныл – за каждым изгибом ствола мерещилась смерть, тревога льнула холодными пальцами к спинам, и незваные гости двигались осторожно, чтобы случайно не зацепить кору даже краешком рукава и самим не запутаться в тенях, как в паутине.

Впереди на дороге искоркой вспыхнуло яркое пятнышко. Храст попридержал виконта за загривок:

– Да, это лоскут от платья. Нас могут заманивать в ловушку.

Кругом только и видно, что ряды деревьев. Каждая пядь сада, возвращённая усилиями Дракона, содержала в себе его след и могла служить ему укрытием.

Лоскут обогнули по дуге, проклиная скрип сапог и гулкий стук собственных сердец, которые в окружающем безмолвии били громче набата.

Растерзанные вещи Череша стали попадаться всё чаще, заходя в глубины сада. Было заметно, что ткань разодрана то ли когтями, то ли зубами. Изломав очередные метры тишины, воины набрели на урочище – гладкую поляну с поваленным посередине огромным стволом.

Поверх дерева, словно подношение на алтаре, лежала обнажённая Череша. До этого Берберис никогда не видел девичьей наготы – вид смутил и взволновал его, несмотря на обстоятельства: затвердевшие от мороза соски на пышной груди, лоно в тугих золотистых завитках.

Виконт покрыл святящуюся наготу Череша собственной курткой, чем вернул Берберису ясность зрения, затем попробовал приподнять девушку, но та неожиданно расплакалась от боли. Оказалось, что концы её волос непостижимым образом превратились в янтарную смолу и крепко слились с корой.

– Оно поглощает меня! – кулачок Череша ударил по дереву. – Я чувствую это кожей. Ствол почти опустел и боль-

ше не приносит плодов. Повсюду боль! Под древесной корой бьётся в агонии живая плоть! Несчастные, скормленные саду люди! Их внутренности текут по веткам и виснут плодами для Дракона!

По саду эхом прокатилась дрожь. Кривые стволы на секунду обернулись искалеченными человеческими телами, а чёрные дупла – разверзнутыми в немом крике ртами.

Рапира Шипека взмыла в воздух и, обрушившись на ствол, отсекала локоны Череша. Оставшиеся волосы забавно распушились вокруг лица подобно рыжему одуванчику. Девушку по сантиметру оторвали от дерева. Часть коры успела въесться в кожу и торчала из спины уродливыми наростами.

Храст по-отечески приобнял дрожащую Черешу:

– Останется несколько шрамов и только. Доктора залечат тело, а преданные друзья – душу. Только отныне вы должны вести себя тихо и слушаться меня.

Череша слабо кивнула.

– Вы знаете, где сейчас Дракон?

– Где-то рядом. Его мерзкое дыхание иссушивает воздух.

Берберис вдруг почувствовал дурноту – он тоже услышал то самое дыхание – тихое, с присвистом сквозь десятки сжатых клыков. Дракон дышал степенно, ему незачем было переживать или спешить – всего-то три подкормки прибыли в его сад.

– Демон дышит, ему нужна еда – это признаки характерные смертному существу, – неожиданно заявил Храст.

Он не видел Дракона воочию, поэтому не понимает весь ужас нынешнего положения. Одним взмахом хвоста дракон перерубает ствол, а его дыхание может спалить тело до кости. Почувствовав немощь, граф привалился к ближайшему дереву. Оно излучало тепло. Если присмотреться, то чёрный ствол похож на тонкое змееподобное тело, а ветви – на растопыренные длинные пальцы.

Верхушка ствола накренилась от небес к земле, обратив на графа два крохотных жёлтых глаза.

Берберис стремительно выхватил рапиру, свист стали послужил сигналом тревоги, но прежде Дракон ударил хвостом. Полёт графа длился добрую пару метров, его оружие отлетело и того дальше с лёгкостью безобидной щепки. Онемение сковало тело и мысли. На некоем глубинном пласте подсознания граф решил, что это конец, и звон в ушах является траурным маршем по недолгой жизни, однако секунды слились в минуту и сквозь первоначальный шок проступила живая боль. Душа слишком крепко держалась за суставы, чтобы единственный удар выбил её из молодого тела.

Граф распрямил натренированную годами упрямота спину, его пальцы потянулись к оброненной рапире. Совсем рядом шёл бой. Дракон метался змеёй, отбивая атаки с разных сторон. Его противники были уже порядком потрёпаны: рубашка виконта представляла собой окровавленную тряпку, лицо Храста залила кровь, что даже глаз не рассмотреть. Дракон изловчился, прыгнул, и начальник стражи превра-

тился в точилку для когтей.

С боевым кличем виконт сделал отчаянный выпад, но чёрный хвост полоснул его по руке, выбив оружие и сломав кость. Череша тут же подхватила рапиру. Девушкой двигал отнюдь не здравый смысл, а отчаяние и ярость. В неумелых руках клинок лишь рассёк Дракону кожу. Он мельком обернулся на досадную помеху. Остриё хвоста взметнулось ближе к небесам, чтобы в стремительном ударе преодолеть слабое сопротивление девичьей плоти.

Граф наскочил со слепой зоны и с оставшихся сил рубанул по хвосту. Отсечённый шип упал к ногам Череша, из раны брызнула раскалённая кровь – девушка еле успела закрыться рукавами; Дракон взревел так, что покачнулись небеса. Его сад заволновался, плоды посыпались вместе с ветками. Хвост метался в собственной неуправляемой агонии, разбрызгивая кровь – достигнув ближайших стволов, она воспламенила сухую кору. Языки пламени жадно присосались к древесной пище. Ветви с готовностью тянулись к огню, принимая долгожданную смерть, и вскоре урочище оказалось окружено кольцом пожара.

Череша скинула подожжённую куртку. Последний удар издыхающего хвоста разбил центральный ствол в щепки. На землю просыпалась оставшаяся от предыдущей плоти труха, образовав угольную дыру. Люди кинулись к ней, рискуя угодить под когти Дракона и успели скрыться до того как челюсти клацнули у них над головами.

Глава 19

Открыть глаза означало принять реальность, а бывает так, что забвение куда милее сердцу. Бездействовать, приняв свою участь, – не самый плохой конец, учитывая, что в смерти нет сожалений. Смерть – это точка в конце линии жизни, подводящая итог тревогам и страстям.

Отрадно было стремиться изо всех сил к подобным мыслям, игнорируя пульсирование боли в новых порезах. Тело страдало, а душа просила покоя. Берберис предоставил желаемое уставшему духу и просто лежал.

Кто-то с силой потянул графа за ворот, увлекая тело, и мысли по горизонтальной плоскости. Волей-неволей пришлось открыть глаза. Вокруг раскинулась ночная чаща леса – несравнимая с жутким садом Дракона: и небо подвижное, и воздух свеж, и деревья наполнены природными соками.

– Помогите же мне! Господин стражник умирает! Виконт еле стоит на ногах! Вы целы, а значит, можете идти!

Голос Черешки дрожал от холода, зубы выбивали мелкую дробь – девушка стояла босая и нагая на снегу, но судя по выражению лица, ещё не готова была сдать ся.

Рядом Шипек тащил по снегу полумёртвого Храста подале от угольной дыры – противоестественного пятна в девственно-белом лесу. За начальником стражи тянулся кровавый след.

– Уходите в школу... – в груди Храста противно булькало при каждом слове. Крупный сильный мужчина сейчас походил на окровавленную рванину.

Шипек застонал:

– Да, – и упал в снег рядом с начальником стражи. – Граф, уводите Черешу. Я останусь здесь и попробую задержать...

Еле слышимый шум из угольной дыры подсказал, что обещанное вскоре придётся исполнить. Шум нарастал – так жук-древоточец настырно прокладывает себе путь сквозь вековые кольца ствола. Затем хрустнуло особенно громко – до ломки в зубах и из дыры вырвалась длинная лапа. Зачерпнув когтями воздух, лапа вцепилась в землю, подтаскивая на поверхность тело.

– Уходите! – закричал виконт и ударил каблуком по лапе монстра. Когтистые пальцы метнулись было назад, но совершив обманное движение, тут же впились Шипеку в ногу.

– Проклет! – оглушительно исторгли глубины. – Где моя жертва, предатель?!

Граф почувствовал, что сейчас он тоньше льда на весеннем озере. В словах Дракона ему померещился смысл, ведь сделка действительно была попруна его усилиями.

Холодные, словно сосульки пальцы Череша, обхватили запястье графа, увлекая прочь через сугробы, мимо заледеневших елей, пока позади ревело:

– Церковные выродки! Вы осмелились напасть на древнего бога! Ваши дрожащие потроха всегда были моей пищей!

Небо рушило тьму беглецам на плечи, кустарник подступал с боков. Прорвавшись сквозь оборону обледеневшей чащи, молодые люди оступились и кубарем скатились с крутого склона. Комья снега налипли на лицо, забились в волосы и рты.

– Там свет! – Череша потянулась телом вслед за своим указательным пальцем.

Впереди меж стволов маячили тёплые огни – так могла светиться только надежда. Оставляя глубину снежного покрова без внимания, они двинулись навстречу теплу.

Свет изливался из хижины лесника, но оказался брошенным – вокруг не было ни души. Утоптанная поляна перед хижинкой, как и цепочка шагов, уводящая во тьму, указывали на то, что ещё недавно люди здесь были. Оставленные кружки на столе с недопитым чаем подтверждали это.

– Они сбежали! – простонала Череша. – Услышали Дракона и ушли!

Девушка осмотрелась, но кругом не было пригодного оружия, лишь чуть поодаль за наспех сколоченным заборчиком стояла шеренга готовых к запуску разноцветных ракет – школа ежегодно устраивала салют и хижина лесника служила для этой цели полигоном.

Совсем близко затрещал кустарник. Свет разом вздрогнул. От ночи оторвался кусок, чтобы стремительно ворваться под лампы.

– Ты получил, чего желал, мальчишка! Настала пора рас-

платиться!

Языки пламени рвались сквозь зубы Дракона, глаза пылали ненавистью, безжизненный хвост волочился по снегу. Граф осознал, что сказанное – правда. Он проигрывал не первый раз, и если претензия обоснована, то удовлетворение её может обернуться сохранностью жизни иных людей.

Берберис вышел к Дракону, демонстративно развернув пустые ладони к небу. Навстречу его метнулась когтистая лапа, увлекая графа за шиворот к разверзшейся пасти. В глубине глотки бурлила обжигающая смерть, испепеляя надежду на безболезненную кончину.

Череша подскочила сбоку и с размаха сунула в алчную пасть разноцветную ракету. Вспыхнул шнурок, и неожиданно для самого себя граф вдруг налёг ладонями на днище, вгоняя ракету глубже в глотку. Он почувствовал запах горелой плоти и успел увидеть свои объятые огнём пальцы, прежде чем рвануло.

Глотка Дракона вздулась рыбьим пузырьём и прорвалась раскалёнными ошмётками. Снег зашипел, исходя паром. Древний бог плюхнулся о землю остывающим куском мяса.

Когда прибыла стража, то люди долго ничего не могли разглядеть в объявшем избушку зловонном тумане, а затем нашли полумёртвого графа, нагую окоченевшую от холода девушку и бесформенную чёрную тушу в слое грязи – всего, что осталось от снега.

Глава 20

У времени есть осязаемая величина: оно то течёт плавно как река, то двигается рывками. В лазарете Верта время впало в ступор и исчислялось количеством выпитых пилюль. Свет вползал с самым рассветом на подоконник палаты и засиживался там до обеда, затем уходил по крыше, оставляя Бербериса в одиночестве.

Граф глотал лекарства и сносил перевязки с тем же равнодушием, с каким выслушивал поздравления от директора школы, утверждающего, что лишь достойному потомку Преклета под силу победить Дракона. Свидетельства победы – бездыханное тело демона рядом с графом и показания девицы Черешки, указавшей кто именно нанёс смертельный удар. Школа гордится своим учеником! Церковь выслала к графу делегатов с поздравлениями, король – награду и орден. Отныне герб Преклетов будет украшать шпиль административного здания каждый большой праздник.

Имя Бербериса одним днём подняли на пьедестал почёта все газеты и все проповедующие священники. К месту схватки потянулись люди, так что избушка лесника превратилась в центр паломничества.

Останки Дракона сожгли, кости закопали. Череп отправили королю в подарок. Земля на могиле вскоре стала чёрной как древесный уголь, а пустые глазницы опаляли лицо каж-

дого, кто рискнул пристально заглянуть в них. Сила Дракона продолжала изводить людей и после его смерти, поэтому подвиг юного графа нарекли «чудом».

Но истинным чудом было то, что все участники битвы выжили. Даже исполосованный начальник стражи неожиданно для врачей и гробовщиков пошёл на поправку. Поговаривали, что благодарить за это следовало Черешу – преданную сиделку у его постели. Девушке ампутировали несколько отмороженных пальцев на ноге и извлекли кору из спины, но она упорно не желала слышать об отдыхе, предпочитая следить за здоровьем Храста и Шипека – во всяком случае, так передали графу, когда он спросил о судьбе спутников.

Берберис извёл баночку чернил, выводя забинтованными руками сообщения для товарищей с просьбой увидеться, но всякий раз слуга передавал ему горку записок, среди которых не было желанного ответа.

Больше других макулатурой графа закидывала герцогиня Боровинка. На разных клочках бумаги её слова были изложены разными почерками: «Как только окрепнете непременно заходите на чай», «Правда, что дочь торговца нашли обритой и нагой в объятых Дракона? Только вы способны развеять наши подозрения!».

Болезненным сжатием кулака Берберис превращал очередную записку от Боровинки в обычный мусор. Он не мог взять в толк, отчего всего пару дней назад позволял этой девице быть источником своего безумия? Очевидно же, что

герцогиня поверхностна и глупа, а её красота мимолётна, как сочность упавшей с куста ягоды.

На четвёртый день из соседней палаты с визитом пожаловал маркиз Желод – бледный и слабый. Вокруг маркиза прыгала испуганная сиделка, умоляя его вернуться в постель.

– Герцогиня передаёт вам устный привет, – лёгкий поклон чуть не стоил Желоду равновесия. – Она обеспокоена вашим молчанием. Если дело в обожжённых руках, то для герцогини эта травма не противна, и она просит вас не стесняться увечья... Серьёзно, граф, вы добились успеха, не потеряйте преимущества из глупого упрямства.

– Благодарю, – Берберис почтительно кивнул маркизу. – Передайте герцогине моё почтение, и простите за то, что чуть не убил вас.

Желод пару секунд жевал извинения на зубах, убедился в его съедобности и вздохнул:

– Я заступился за девушку, которая вспомнила обо мне лишь, когда ей понадобился посыльный. Удачи, граф!

И люди, и солнечный свет вновь оставили графа в одиночестве. Впервые с момента поступления в лазарет он самостоятельно поднялся, накинул халат, вышел в коридор и совершил самые длинные тридцать шагов в своей жизни.

Скрипнула, приоткрываясь, дверь дальней палаты. Помещение для непризнанных героев оказалось куда меньше покоев для единственного незаконнорождённого графа.

– Череша!

Девушка сидела у кровати Шипека. Позади неё за занавеской спал Храст. Череша обернулась на зов; из-под ворота простого платья выглядывала свежая перевязь, остатки некогда пышных локонов свились жгутиками вокруг круглого лица. С короткой стрижкой Череша выглядела сущим ребёнком, но при этом была как-никогда желанной – родственной душой, которая однажды тоже полюбила не того человека.

Девушка встала и церемонно поклонилась Берберису. Это был ожидаемый, но всё же болезненный удар. Слезы толпой навалились на ресницы графа и сорвались с края в стремлении покончить с собой. Берберис стоял непрошенным гостем, босой и в халате, перед достойными уважения и любви людьми.

– Мы как раз читали о вас, – здоровой рукой виконт потянулся к газете и развернул её перед графом, как доказательство вины того. – «Герой, победивший дракона!»

Берберис резко утёр глаза жёстким рукавом халата:

– Я говорил им! Называл ваши имена, много раз описывал сражение в деталях!

– А вы случаем не упомянули причину, по которой Дракон вообще явился...

Череша мягко коснулась плеча виконта:

– Это было непросто, но я простила графа. И финальный удар действительно принадлежит ему.

Берберис схватил газету и разорвал в клочья:

– Незаслуженные лавры гнетут, а не окрыляют! Мой долг перед вами троими не знает временных сроков и цены.

– А! – занавесь на кровати Храста поползла в сторону, открывая изуродованное когтями лицо начальника стражи. – Вы наконец-то поняли, что возмужание – это не про поросль на чреслах, а про принятие ответственности за поступки. Очень рад за вас, граф. Только в этой комнате нет должников: я бился с Драконом, потому что такова моя обязанность – защищать учеников Верта, виконт сражался во имя любви, леди Череша защищала свою и наши жизни, а вы исправляли содеянное. Поэтому не говорите ерунды – никакого долга нет.

Но граф всей душой желал быть должным этим людям, чтобы как можно дольше времени провести в их обществе!

– Они говорят про вас ужасные вещи, – в надежде стать заложником клятвы, Берберис рискнул приоткрыть Череше истину о гадких слухах. – Я не успокоюсь, пока не очищу ваше имя!

– Мерзавцы! – Шипек до того резко подскочил на кровати, что Череше пришлось чуть ли не навалиться на него, чтобы удержать на месте. – Как только мои руки окрепнут, то заткнут поганые рты!

Девушка лишь улыбнулась этим словам:

– Недалёкие умы не стоят ни моего внимания, ни ваших клинков, господа.

– Слова истинной леди! – похвалил со своей кровати

Храст.

В палате всё было на своих местах: предметы, люди, один только граф казался лишним и совершенно бесполезным.

Хромая, Череша подошла к нему и глубоко вздохнула:

– Опять вы за своё! Вновь пытаетесь перебраться в чужой водоём, где, как вам кажется, и вода теплее, и простора больше. Угмонитесь наконец!

Это было прощанием. Берберис ушёл, тихо затворив за собой дверь.

Через две недели окрепшего телом графа торжественно проводили до железнодорожной станции. За час до этого на простой телеге школу тихо покинула Череша – к тому её принудила администрация, на фоне неоднозначных слухов обеспокоенная сохранностью целомудренной репутации у заведения.

В душе Берберис надеялся, что застанет Черешу на перроне, но её поезд отбыл по расписанию, и взгляд графа не мог ублажить вид удаляющейся струйки дыма на фоне хандрящего морозного горизонта.

Эпилог

Встреча в родном краю напоминала праздник – посмотреть на героя собрались все окрестные селения. Отец-граф тепло приветствовал сына, сёстры с визгом кинулись обнимать брата. Графиня приблизилась после того как накал радости поиссяк и протянула Берберису тканевый свёрток. Он принял его с величайшей осторожностью, отыскал в шерстяных складках розовое личико и поцеловал нового графа из рода Преклетов.

Пока Берберис учился, родовое поместье обзавелось новыми сквозняками и долгами, так что подаренные королём деньги подлатали дыры в семейном бюджете. Для Бербериса стало сюрпризом количество писем, присланных профессором Узваром графу-отцу. Узвар хвалил способности Бербериса к математике и логике – своего рода прощальный подарок от учителя любимому ученику.

Огненное дыхание Дракона на корню испепелило слепые амбиции Бербериса, обожжённая душа стала чувствительной к малейшему проявлению доброты. Он взвалил на себя управление поместьем и через пару лет дела пошли в гору. У сестёр появилась надежда на приданое, а у юного графа – возможность занять положение в обществе, достойное титула.

Два с половиной года пролетели незаметно. Юный граф

рос с небывалой скоростью, обладал сообразительностью и резвостью, позволявшей ему скрываться от надзора нянек. Свободное время чаще всего он проводил в кабинете управляющего помещьем.

Берберис только покончил с делами и развернул газету, свежесть которой истёрлась долгой дорогой от столицы, когда младший брат привычно забрался к нему на колени.

– Тут про драконов? – граф ещё коверкал слова, но его указательный пальчик твёрдо упёрся в заглавную статью. Он обожал истории про драконов и искал их, где только возможно.

В статье велась речь о том, как после нашумевшей свадьбы виконта Шипека с девицей Черешой, молодожёны открыли в столице частную школу для всех слоёв населения с углублённым изучением наук. Однако пошли слухи, что помимо знаний в классах преподают идеи вольнодумства. Директор школы и бывший инспектор сысской полиции – Храст назвал обвинения «бездоказательными».

– Про драконов?! – юный граф требовательно дёрнул Бербериса за рукав.

Тот улыбнулся:

– Здесь сказано про отважных героев и верных друзей, которые сильнее любого дракона.

И мягко коснулся ладонью газетного листа.